

Драконам слова не давали!

Автор:

[Ева Ночь](#)

Драконам слова не давали!

Ева Ночь

Семейка Драконовых #1

Он холоден, как арктические льды, невозмутим, как сфинкс, этот харизматичный альфа-самец по фамилии Драконов. Он никогда бы не встретил меня, если б не купил агентство «Розовый Слон», чтобы его уничтожить. Но я не собираюсь оставаться без работы! Пусть злится, сверлит горящим взглядом, вызывает дрожь. Мне безразлично, что он задумал. Я сделаю всё по-своему – Драконам слова не давали!

Содержит нецензурную брань.

Ева Ночь

Драконам слова не давали!

Глава 1

Ника

Креативное агентство «Розовый слон» лихорадило.

Нет, не так. Колбасило и шпрото-паштетило. Кочевряжило и выворачивало наизнанку: Кристина Генриховна Овербек, наш директор и по совместительству владелец «Слона», выходила замуж.

За созвучие с именем, цепкий характер, длинный нос и глубоко посаженные глазки мы между собой ласково звали её Крыска. Ей слегка за сорок, и местные сплетники утверждали, что её любовники – это работа, скучные бумаги и новые проекты.

И вдруг – как гром среди ясного неба.

– Дорогие мои! Я безмерно счастлива сообщить... – и дальше по тексту.

Вот это да-а-а. Ни личной жизни, ни мужиков – и на тебе.

– А как же мы? – трагично восклицает Илона – наш пиар-менеджер.

– К счастью, вы не мои дети, – едко замечает Крыска, видимо, забыв, как сама долдонила изо дня в день, что весь несравненный коллектив – скопище неразумных младенцев, которым без её руководящей жёсткой руки – никак.

– Абзац, – уныло гундосит в нос Серёга – веб-дизайнер по профессии и художник в душе – и шумно сморкается в платок.

Креативное агентство «Розовый слон» галдит, возмущается, машет конечностями – пёстрыми попугайскими крыльями, и только я и Дрон, наш несравненный программист и хакер, сидим спокойно.

– Ника, ты что молчишь? – шипят на меня, раздувая щёки-капюшоны, две кобры-контентщицы – Люда и Натаха. А зачем зря воздух баламутить? И так пыль столбом.

– Чай, кофе, потанцуем? – меланхолично, но громко выдаю я.

Птичник на миг замирает в разнокалиберных позах.

– Водка, пиво и чего-нибудь нюхнуть, – брякает в полной тишине всклокоченный Дрон и глубокомысленно вращает голубыми, как ясное небо, глазищами. Картину слегка портят красные воспалённые веки, но мы уже привыкшие: это его естественный брутальный налёт, харизма, без которой сахар не солёный.

– Тогда нашатырный спирт, – вздыхаю громко и направляюсь к чайникам-кофейникам.

– Вот и славненько, – щерится акульей улыбкой Крыска и стратегически верно ретируется, пока не возобновился всемирный вой. Ну, ей как бы сейчас не до нас. Свадьба – и всё такое. Главная задача артиллериста – шарахнуть изо всех орудий и покинуть на время поле боя. Пусть перебурлит. Сильные и слабые залижут раны, и тогда можно совершить следующий заход на позиции.

– Что будем делать? – полувздых-полустон. Кажется, это кто-то из рекламщиков.

– Как что? – я сама невозмутимость. – Подарок выбирать, конечно же.

– Все в ауте, и только наша Никуся держит удар, – кривит идеально очерченные татуажем губы Ксения – личная помощница Крыски.

Она тоже не особо прыгает. Видимо, знает куда больше, чем все остальные. Но ей по статусу положено. К тому же, в нашем слоновнике она одна из тех, кто не очень поддаётся эмоциям.

Горячая эстонская девушка с медлительной грацией. Искусный факир – заклинательница змей. Манипулятор, что одним движением длинных, как посадочная полоса, нарощенных ресниц умеет отправлять в нокаут даже тяжеловесов в мире бизнеса.

Я пропускаю мимо ушей её выпад и ловко разношу печеньки и чашки с кофе-чаем, привычно уворачиваясь от похотливых мужских щупалец.

Пока народ занят пережёвыванием выпечки и новости дня, настанет относительная тишина. Можно перевести дух, но, видимо, сегодняшней вулкан ещё не всю магму выплюнул.

Крыска, зятая в умопомрачительное лайкровое платье, подчёркивающее все её изгибы и выпуклости, снова выныривает из небытия и, прижимая к себе кроваво-красный клатч, деловито стучит высоченными шпильками по ламинату. Десятки глаз следят, как несравненная Кристина Генриховна подходит к огромному, в полный рост зеркалу и, выудив из недр клатча помаду, любовно красит губы.

– Кштати, – небрежно бросает она, накладывая завершающий штрих, – мой будущий муж – иностранец. И я не просто выхожу замуж, а уезжаю на постоянное место жительства за границу. И поэтому... – Крыска делает абсолютно бесполезную театральную паузу: все и так застыли, забыв, как дышать и жевать. – А поэтому я продаю агентство!

Голос её полон оптимистического торжества, которое звучит фальшиво, как марш Мендельсона на похоронах. Если бы в офисе водились мухи, сейчас бы все оценили их трепетное жужжание.

Игнорируя всеобщее окаменение, Крыска одним махом вывалила остаток своей сногшибающей новости:

– «Розовый Слон» переходит в надёжные мужские руки, к Драконову Дмитрию Ивановичу.

– Абзац, – это снова Серёга. Трагическим шёпотом. В абсолютной тишине его незатейливое словечко звучит, как взрыв.

Пока не разморозилось мёртвое царство, Крыска воровато юркнула за входную дверь. Сбежала с тонущего корабля, как и полагается настоящей крысе. Ну и хрен с ней. Можно подумать, мир рухнул. Но большинство как раз склонялось к катастрофе вселенского масштаба. Вытянутые лица. Испуганные глаза. Кофе в чашках стынет. Непорядок.

Отчаянно захотелось взбодрить сотоварищей, поэтому, недолго думая, я вскочила на офисное кресло и, выкинув вперёд руку, как Ленин в октябре, весело гаркнула:

– Что приуныли? Ну, подумай! Были «Розовый Слон», а станем «Розовый Дракон» – всех делов-то.

Робкие смешки порадовали невероятно и добавили вдохновения.

– Креативное агентство «Розовый Дракон»! Превратим словник в драковник!
Даёшь каждому слонёнку по драконёнку!

Я ещё по инерции выкрикивала какую-то чушь, пока не сообразила: почему-то опять слишком тихо, а все взгляды прикованы к чему-то за моей спиной. Нехороший холодок пробежал по позвоночнику.

Я поворачивалась медленно. Очень медленно. Неблагодарное это занятие, особенно, если ты на каблуках стоишь на мягком сиденье. Особенно, если забыл в порыве страсти опустить поднятую вверх руку.

Не знаю почему, но смотрела я вниз. Красные туфли на десятисантиметровой шпильке до боли знакомы. А рядом – дорогушая мужская обувь. Дизайнерская. Эксклюзивная. Выше – строгие брюки. Ещё выше – пиджак, белоснежная, как альпийские снега, рубашка, галстук в тон костюма.

Дальше можно было не смотреть. Но я всё ещё надеялась, что рядом с Крыской – её будущий супруг. Наверное, поэтому отчаянно карабкалась по ступенькам идеальной мужской фигуры вверх.

Твёрдый подбородок. Красивые губы. Для мужика можно и похуже б. Но кто я такая, чтобы командовать? Модная дизайнерская стрижка. Серые внимательные глаза. Взгляд пресыщенного коллекционера, рассматривающего дешёвую подделку.

Я почувствовала, как падают и разбиваются на зеркальные осколки мои надежды. Нет, это не жених Кристины Генриховны. Молод. Цепок. Деловит.

– Позвольте представить вашего нового хозяина – Драконова Дмитрия Ивановича, – приторно сладко пропела Крыска. Как у неё только зубы не слиплись от чудовищного количества сиропа в голосе! Впрочем, мне досталась смертельная доза яда в её взгляде.

Всё. Приплыли. Упс-с-с-с.

Глава 2

Драконов

– А это мой креативный, самый лучший коллектив! – преувеличенно бодро вещает Кристина.

«Уже не твой», – так и тянет вставить ремарку, но я терпеливо слушаю её разглагольствования: чем дальше, тем больше она входит в раж, представляя мне по очереди своих гениальных «деток».

Неужели она всерьёз думает, что мне интересен весь этот зоопарк? Кислотно-ядовитый зверинец. Никакого дресс-кода. От их внешнего вида слезу вышибает.

– Это моя личная помощница Ксения...

С девицей всё понятно. Пиранья под маской томной павы. Что там дальше? Веб-дизайнер явно нетрадиционной ориентации скорбно прикладывает платок к распухшему носу. Две ясноокие контентщицы слишком старательно тянут улыбку. Напуганы.

Ярко выраженный альфа-самец с дикими красными глазами. Видимо, баловень всех восторженных девиц. Футболка без рукавов. Наверное, чтобы продемонстрировать бицепсы-трицепсы и татуировки. Программист? Хм.

Скользу по ним взглядом, словно перелистываю скучную книгу. Так и хочется смежить веки, чтобы не ослепнуть от их великолепия. Стараюсь не смотреть на юную революционерку. Подавляю желание понаблюдать, как она будет неловко сползать с кресла. Небось коленки дрожат.

Краем глаза вижу: она вскакивает на пол одним точным движением. Хорошая стрессоустойчивость. И гибкость на пять баллов. Интересно, кто она в этой тропической оранжерее?

Кристина продолжает плести словеса строго по иерархии. До чуда с рогами вместо причёски ход пока не дошёл. Может, она вообще не член коллектива?..

– Ну, а это наш офис-менеджер Вероника Лунина, – сокрушённо вздыхает Кристина Генриховна и взглядом просит прощения за её вызывающее поведение.

– Ника, – не отводит глаз рогатое чудо. Она единственная, кто посмел открыть рот с того момента, как мы вошли в офис. Девочка на побегушках, значит. А тянула минимум на вождя. Меряю её взглядом сверху вниз. Гармонично вписывается в местную фауну. Ярко-зелёная футболка с глубоким выкатом обнажает ключицы и мягко обтягивает грудки-мячики. Джинсы сидят ладненько, как на рекламной картинке. Глаза хороши: выразительные, карие, с мохнатыми ресницами. И губы. Стоп.

– Боже, Лунина, что ты себе позволяешь? – шипит, почти не разжимая рта, госпожа Овербек. Её маленькие глазки злобно посверкивают. Она пока ещё чувствует себя полноправной хозяйкой, и я не мешаю ей наслаждаться последними крохами бывшего могущества. Пусть. Это ненадолго.

«Розовый Слон» напоминает мне разболтанный, расшатанный во все стороны механизм. Почему он не рухнул и каким чудом до сих пор удержался на плаву – неизвестно. Видимо, как всегда, на честном слове и русском «авось».

Дурацкое, чисто женское название, будто имя любимой моськи. Такие не выживают, а упорно идут ко дну и тонут. Рано или поздно. Кристина приняла правильное решение – вовремя избавилась от груза. Замуж, скорее замуж. За крепкие мужские плечи. Рожать детей и радоваться жизни.

Наверное, я должен толкнуть какую-то пафосную речь, завершая знакомство. Успокоить их, хотя бы на время. Но у меня нет желания сотрясать воздух, давая несбыточные обещания. Я поговорю с ними позже, когда останусь один на один. А сейчас...

– Был рад познакомиться с вами, – слишком лаконично, но это единственная вежливая фраза, которую я способен родить в данный момент.

Едва заметно киваю и показываю глазами на коридор, что ведёт к кабинету директора. Кристина понимает меня с полувзгляда и частит каблучками, пытаюсь поспеть за моим широким шагом. Я даже ради приличия не притормаживаю.

Она быстро щёлкает пальцами, подзывая, как собаку, свою помощницу. Вот где спокойствие и выдержка: следует за нами, но не спешит. Несёт себя с достоинством, будто боится расплескать собственное величие. Мысленно представляю, как плавно покачиваются её бёдра. Наверное, завораживающее зрелище.

– Минут через десять принеси нам с Дмитрием Ивановичем кофе, – командует Кристина и вопросительно смотрит на меня, выжидательно приподняв дугообразно выщипанные брови.

– Крепкий. Чёрный. Без сахара.

Ксения красиво склоняет голову, демонстрируя в выгодном ракурсе длинную шею, ресницы-опахала и ровный персиковый тон кожи. Нарочито показательное выступление. Цирк на льду. Еле удерживаюсь, чтобы не поморщиться, и захожу в кабинет.

На миг останавливаюсь, но Кристина, правильно истолковав моё замешательство, благожелательным жестом указывает на кожаное кресло – чудо дизайнерской мысли. Оно подходит мне, как корове седло, но пока выбора нет.

Бывшая хозяйка непринуждённо опускается на мягкий стул и рассеянным взглядом окидывает кабинет. Она словно оглаживает предметы – любовно, с грустью, но без надрыва.

– Надеюсь, у тебя не сложилось превратного мнения, – мягко воркует она, вцепляясь глазками в моё лицо, как бультерьер. Мёртвый захват. Клац-клац. – Они замечательно работают, и, думаю, ещё не раз покажут, на что способны.

Она достаёт пачку сигарет и, не спрашивая, закуривает, пуская в потолок тонкую струйку дыма.

– Я не собираюсь с ними работать, – не скрываю правды.

– Да-да, – часто моргает Кристина и сбивает пепел немного нервно. Тонкие пальцы словно азбуку Морзе выстукивает. – Конечно, хозяину совсем необязательно занимать директорское кресло. Наймёшь хорошего специалиста. Я даже могу порекомендовать...

– Нет, – прерываю я её и смотрю твёрдо. Глаза в глаза. – Ни я и никто другой.

Кажется, до неё начинает доходить. Я вижу, как по-боевому распрямляются её плечи.

– Ты хочешь сказать...

– Я уже сказал. Креативное агентство «Розовый Слон» доживает свои последние дни. Я купил его, чтобы провести реорганизацию и слить с другим предприятием.

Она смотрит на меня с нехорошим прищуром. Я вижу, как у неё начинает дёргаться левый глаз. А потом она затягивается сигаретой и медленно выпускает дым мне в лицо. Мелкая беспомощная месть слабой женщины.

Мы смотрим друг другу в глаза. Долго. Словно играем в гляделки.

– Ваш кофе! – всплывает с подносом прекрасная помощница Ксения, и я, проигрывая, отвожу взгляд. О, да. Она покачивает бёдрами. Как элитная куртизанка. Как богиня, сошедшая с Олимпа. Как...

– Не надо кофе, дорогая, – бархатно рычит Кристина Генриховна Овербек и поднимается со стула. – У господина Драконова изжога. Он съел слишком большой кусок. Боюсь, это смертельно. Ему грозит несварение.

– «Скорую»? – непонятливо хлопает ресницами длинноногая дива.

– Морг и похоронное бюро, – кидает эта мегера и, подхватив свой ядовито-красный клатч, дефилирует к выходу. Бёдрами она крутит, наверное, даже лучше, чем её преданная Санчо Панса. Почти у двери Кристина делает щелчок

пальцами, выводя из ступора Ксению, и та неспешно плывёт за нею вслед. Профессионально. Даже чашечки не дрогнули, не звякнули.

Дверь мягко закрывается – и я остаюсь один. Замечательно. Первый раунд выигран.

Глава 3

Ника

Кристина Генриховна Овербек глушила водку, как заправский грузчик. Тупо напивалась. Бухала. Закладывала за воротник не морщась, словно воду святую пила. И только брезгливо искривленный рот да десятая сигарета в помаде говорили о степени её опьянённого бешенства. Сама Крыска в выражениях не стеснялась.

– Тварь. Мудак. Образина. Ублюдок. Ничтожество драконьего помёта! Чтоб тебе на собственном галстуке повеситься и носком подавиться!

Я с тоской смотрела на дно своей рюмки, делая вид, что пью. Морщила нос и думала, как это меня угораздило вот так попасться.

Когда госпожа бывший директор стремительно покидала свой кабинет, я не сообразила, что она в ярости: Крыска всегда передвигалась быстро и целеустремлённо.

Я с радостью упала ей на хвост, радуясь, что есть возможность стратегически ретироваться из впавшего в коллапс офиса, а заодно и по хозяйским нуждам прошвырнуться: бумага заканчивалась, принтеры требовали смены картриджей, средства ухода за окнами и полами сигналили, что их ресурсы на нуле. К тому же, используя служебное положение, собиралась втихаря пройтись по магазинам не корысти ради, а во благо всего коллектива: подобрать подарок на свадьбу нашей теперь бывшей директрисе.

Рано радовалась. Вместо того чтобы доехать, куда ей надо, а машину и шофёра отдать в моё безраздельное пользование, Крыска велела притормозить у ближайшего ресторана и приказала мне составить ей компанию.

Когда Кристина Генриховна говорит таким голосом, лучше ей не перечить. И вот поэтому я сижу напротив, заглядываю в почти полную рюмку и выслушиваю ругательства. Через раз – матерные. Догадаться, кто довёл её до такого состояния и в чью сторону сейчас бессильно мечет словесные какашки моя бывшая работодательница, нетрудно.

Спрашивать, чем же не угодил ей этот хладноглазый фронт, перед которым она разве что в пояснице не прогибалась, я не решаюсь. Есть вероятность, что снаряды полетят в меня. Поэтому терпеливо жду, когда сойдёт с гор грязевый поток. Пока тщетно.

Крыску я лицезрела в разных состояниях. В таком – никогда.

– Мерзавец. Гондон. Паскуда. Негодяй, – не иссякает её красноречие, хотя речь замедляется, а глазки постепенно стекленеют. – Гнида позорная. Сучонок редкостный. Выпей лучше, Ника! – приказывает она мне, не прерывая бесконечный процесс восхваления морально-этических качеств нового хозяина.

Я снова прикасаюсь губами к краю рюмки, делая вид, что пью. Генриховна теряет ко мне интерес, погружаясь в пучину тяжёлых дум. Может, её отпустило наконец-то?

– Падла. Сволочь. Дрянь, – вострепнувшись, продолжает свой неистовый монолог. – Скотина. Паскуда. Гад чешуйчатый!

Я делаю знак официанту притормозить. Крыска требовательно щёлкает пальцами, подзывая его. Фигура с бабочкой на шее нерешительно топчется, но подходит: кто платит, тот и музыку заказывает – мудро расценивает этот продажный раб. Чувствую: скоро придётся выносить на себе пьяный труп. Вот за что мне это, а?..

– Что случилось-то? – осторожно пытаюсь попробовать на зуб ситуацию, а заодно графин с водкой отодвигаю. Может, получится.

– Ка-тас-тро-фа, – цедит сквозь зубы Крыска, слепо шаря рукой по столу. Я услужливо подсовываю ей сигареты. Она закуривает, пускает дым и поясняет: – Он покусился на самое святое!

Он что, изнасиловать её хотел?! Наверное, мои выпученные глаза и открытый рот настолько выразительны, что Генриховна даже сфокусировать взгляд на мне сумела.

– Дура! – злится она. – То святое давно тю-тю. Что там терять-то, господи, да с таким-то мужиком.

Она встряхивает головой, видимо, пытаюсь поставить мозги на место: уж слишком они куда-то не туда поплыли под парами алкоголя. Я молчу, как мышь под веником. А то ещё и не то прилетит. Крыска давит окурок в пепельнице, водит им сосредоточенно, разбрасывая пепел по белоснежной скатерти. А затем поднимает на меня глаза. Не так-то в них и много мути. Сильна, мать, оказывается.

– Поклянись, что никому не расскажешь, – требует она, гипнотизируя взглядом.

– Даю слово, – лепечу, не в силах ей сопротивляться.

– Поклянись, – настаивает Генриховна, ввинчиваясь в мой мозг глазками-буравчиками.

– Клянусь! – выкрикиваю я как идиотка и мёртвой хваткой вцепляюсь в графин. Фиг я ей дам выпить ещё хоть рюмку. Агрессивная какая-то чересчур. И паранойя к тому же проснулась.

– Святое, – шепчет она мне в лицо, ложась грудью на стол, – это «Розовый Слон».

Если честно, я ничего не поняла. Она же сама продала агентство. Вручила, так сказать, своего святого «Слона» этому Дракону – преподнесла в коробочке с бантиком, а сейчас сидит и злится. Жалеет, что ли?.. Так поздно пить боржоми, что уж теперь.

Крыска видит, что я в недоумении, вздыхает, оглядывает рассеянным взглядом пространство. Из неё странным образом улетучивается весь её злобный запал. Она сникает, опуская плечи, расслабляется.

– Я думала, отдам вас в надёжные руки. Он показался мне таким... деловым. Умным, грамотным, в меру жёстким. Я долго выбирала, – вздыхает она, поправляя всклокоченные волосы, – правда, выбора особого не было. В общем, я промахнулась. Всеми четырьмя лапами. Не сработала моя чуйка. Подвела на этот раз.

– Да что ж случилось-то? – задаю я повторно свой вопрос, но уже нервно: воздух так и дрожит от напряжения, и мне уже не кажется пустой Крыскина истерика.

– Да ничего, собственно, – продолжает она пялиться поверх моей головы пустым взглядом. – Он купил «Слона» не для того, чтобы владеть, а чтобы уничтожить.

Я молчу, пытаюсь переварить новость. Генриховна снова наводит на меня свои буравчики-радары, кривит беспомощно рот и поясняет:

– Он закроет агентство, Ника. Не сразу, конечно, но «Слон» доживает свои последние деньки. И я уже ничего не могу сделать.

Она молча забирает из моих ослабевших пальцев графин, наливает рюмку, выпивает её залпом, заедает лимоном, тыкает вилкой несколько раз в почти целый салат из морских гадов, торопливо жуёт и требует счёт. Расплачивается быстро, оставляя щедрые чаевые, встаёт на ноги, и её почти не штормит на десятисантиметровых шпильках. Мне бы так – смотрю с завистью на эту железную леди.

В дверях Крыска оборачивается, и я подхватываю её под локоть – так опасно она кренится вперёд.

– Не говори никому об этом, Ник, – повторяет она уже просьбу. – Пусть лучше потом. Когда-нибудь. А то будут волноваться, крыльями хлопать. Ну, ты же знаешь: творческие натуры и всё такое... Может, рассосётся как-нибудь. Само. Я б посоветовала пахать вам, как чертям. Чтоб ему тяжело было объявить о банкротстве. Знаю: комариный укус для толстой шкуры Дракона, но всё же. Хоть кровь ему немного попортить, – мстительно сжимает Крыска руку в кулак.

На улице её развозит окончательно, и последние метры до машины я волоку обмякшее тело практически на себе. Ничего, мы привыкшие. Физические нагрузки – это не то, что может напугать или сломить Нику Лунину.

Затаскиваем с шофёром Виталиком директорское тело в салон.

– Домой, – слабо машет рукой сломленная алкоголем и горем Крыска, и мы едем долго-долго по улицам города в гробовом молчании.

Виталик крутит баранку. Крыска спит, а я мрачно думаю о том, что нас всех ждёт. И откуда только взялся на нашу голову этот долбаный Драконище?..

Глава 4

Ника

В офис я попала ближе к концу дня. К тому времени жизнь наладилась: вовсю кипел рабочий процесс, а проще говоря – царил творческий беспорядок.

Моё появление встретили радостно: соскучились по кофе. Как ни крути, а девочки на побегушках всегда не хватает. Пока выслушивала жалобы коллег, мимоходом выяснила, что новый хозяин никому не докучал. Долго сидел в директорском кабинете, изучал документы, вызывал к себе главбухшу. Три раза. Входил и выходил. Наверное, обедал. И покинул офис, судя по всему, по-английски: ни с кем не прощаясь. По крайней мере, никто не заметил его исчезновения.

– Может, оно и того... лучше? – заглядывает в глаза мне художник Лёха, подсовывая свои наброски на оценку. – Меньше кипишу будет. Мужик как-никак.

Лёха мысли связно выражать не умеет: весь талант ушёл в удивительно изящную, стройно-прекрасную графику. Отбираю удачные эскизы и мягко перевожу разговор в рабочее русло: хвалю то, что понравилось.

В одном Крыска права: надо держать рот на замке. Пока лучше никому не знать, что не «хороший мужик» нас купил, а злобное Драконище.

– Никусик, ты там текстики посмотришь, да? – кивают, как цирковые лошади, Люда и Натаха, поспешно собирая в сумочки боевой арсенал, состоящий из косметики и блокнотов-ручек.

Рабочий день подходит к концу, и весь наш разноцветный балаган начинает растекаться, исчезать за дверью: там ждёт их жадная пасть сумасшедшего города, пахнущего цветущими деревьями и молодой листвой.

Я наконец-то остаюсь одна. С наслаждением впитывая тишину, составляю план на завтра и привожу рабочее место в порядок. Мне ещё нужно немного поработать. В углу мигает монитор Наташкиного компьютера. Там ждут статьи на вычитку.

Вместе с обязанностями офис-менеджера я постепенно взвалила на свою шею и часть другой работы. Закон рабочей лошадки: чем больше тянешь, тем больше грузят. Но я не жалею. Мне в кайф.

Телефонный звонок взрывает тишину. Улыбаюсь, слушая знакомый рингтон. Жмурюсь довольно. Мой Егор. Вот уже полгода я непростительно счастлива. Люблю и любима. Там, за много километров отсюда, мой мужчина ждёт меня. Всё, как положено: красивый, умный, желанный.

– Луна на проводе!

– Привет, ночное светило, – Луноход желает знать...

Впитываю его глубокий голос. Представляю, как стоит он у окна на маленькой кухоньке и смотрит на верхушки деревьев. Запустить бы сейчас пальцы в тёмные завитки на его затылке...

– Прости, – мягко воркую, расплываясь в улыбке ещё шире, – но я сегодня задержусь. Да, как всегда. Сделаю кое-что и выйду из-за тучки, вернусь на орбиту, к своему тоскующему Луноходу.

– Люблю тебя и жду, – вздыхает на другом конце галактики мой мужчина.

– Целую, до встречи, – сбрасываю звонок и, продолжая улыбаться, поглаживаю потухший экран телефона пальцами.

Каждый раз, даже от звука его голоса, сердце сжимается в груди. Это как вспышка на солнце. Как всполох огня до небес, когда хочется кружиться, раскинув руки, и радоваться без причины. Вздыхая, сажусь за компьютер: чем быстрее я справлюсь, тем скорее окажусь дома – в уютной тихой гавани, где ждёт меня мой верный Луноход.

Где-то часа через два меня отвлекает Клавдия Петровна – наша уборщица: гремит вёдрами, бормочет что-то себе под нос.

– Ты опять задержалась, Ника, – всплескивает она руками: Петровна считает своим долгом немного опекать меня. Журить за чрезмерное, по её мнению, горение на работе.

– Да, Петровна... – виновато шурюсь, поглядывая на незаконченную статью. – Вы б не могли немножечко подождать? Ещё с полчаса-минут сорок?

– Да почему бы и нет? – охотно соглашается она. – Как раз в супермаркет сгоняю. Не успела до работы. А ты давай, заканчивай, вон, стемнело на улице! Хватит уже глаза ломать-то!

Я рассеянно киваю, соглашаясь со всеми её доводами. Тем более, что не особо прислушиваюсь к привычному ворчанию.

Мне хватило и пятнадцати минут, чтобы закончить. Устало потираю шею. Нужно размяться. Люблю эти минуты: мозг ещё кипит, а уставшее, затёкшее тело предвкушает движение. Прикрываю глаза и сладко, до хруста потягиваюсь. Стону от удовольствия, проделывая простые упражнения, чтобы разогреть мышцы.

Роюсь в плей-листах. Нахожу то, что сейчас созвучно настроению. Дрожа от предвкушения, подключаю колонки и делаю звук погромче. Люблю, когда грохочет музыка. Звуки вибрируют в воздухе и отдаются где-то там, внутри.

Тесное соприкосновение. Миг небытия. Точка отсчёта, с которой начинается жизнь вне времени и пространства.

Это как извержение вулкана, когда запертая энергия прорывается наружу, чтобы растечься огненной рекой. Ритуал очищения. Бездонное жерло, где сгорают ненужные тревоги, пустые разговоры, неловкие моменты. Им нет места. Их вытесняют настоящие чувства, спрятанные глубоко-глубоко, под слоем условностей и суетой цивилизации.

Тело моё – текучая магма: горячая, пластичная, жаркая. Центр офиса – космический плацдарм. Пустое пространство, где так упоительно свободно дышится.

Ноги пружинят. Тело изгибается назад. Руки касаются пола. Кровь приливает к голове. Упор. Ладони покрепче. Плавно отрываю вначале одну ступню, потом вторую. Медленно возвращаюсь назад, как Луна, что не может оторваться от своей планеты. Как свет, что обязательно сменяет ночь.

Стук сердца в ушах. Движения и музыка сливаются, перетекают друг в друга, становятся моей сутью. Я энергия. Гибкая ветка. Пластичная масса, из которой можно лепить что угодно. Мне не хватает опоры, чтобы стать лозой, брызнуть листьями, расцвести и превратиться в полновесную гроздь.

Хватаю швабру – она то шест, то микрофон. Она тот столп, что подпирает небо и не даёт растечься лужей. Нет больше ни рук, ни ног. Есть лишь один пульсирующий сгусток, в котором поёт движениями тело.

Кураж. Драйв. Накал. Чувствовать и растворяться. Жить и дышать. Двигаться и находить себя в звуках, что плачут и смеются, тоскуют и радуются, трепещут, как капли дождя на ветру, рассыпаются затухающими аккордами, склоняясь к земле. Чтобы уйти вглубь. Стать семенем. Прорасти, пустить корни, проклюнуться ростками новой силы и жажды жизни.

Музыка стихает. Снова падает тишина. Только моё дыхание рвёт ткань полумрака. Я сижу на полу, склонив голову и смежив веки. Мгновение, чтобы возродиться. Миг, чтобы воспрянуть. Вернуться в реальность.

А когда я открываю глаза, меня ждёт сюрприз.

Пара дизайнерских туфель. До боли знакомых. Слишком близко. Недопустимо рядом в пустом офисе, где, кроме меня, никого не должно быть.

Глава 5

Драконов

Под конец дня я понял одну вещь: я слегка удивлён. Бывшая хозяйка, Кристина Генриховна, ко всему подходила ответственно и с большим рвением. Широта её души не знала границ, а моральные принципы падали ниже плинтуса, когда она добивалась своего.

Взять хотя бы её кабинет – этот бункер, где можно спокойно пережить экономический кризис, народные волнения и ядерный взрыв. Я теперь хорошо понимал её вездесущность и глубокое знание психологии собственных подчинённых: по всему офису были натканы камеры слежения. Она могла наблюдать за рабочим процессом во всех ракурсах и красках. Подслушивать разговоры и вникать в детали, не высовывая свой длинный нос из кресла. Гениально. Бурные аплодисменты и зловещий смех за кадром.

Они звали её Крыска. Крыска! И она это знала и терпела. Мою персону её попугаи тоже обсуждали, шушукаясь по углам. Вряд ли они догадывались о тотальном контроле. Чего не скажешь о Ксении. Личная помощница намертво засела в приёмной за своим компьютером. Вежливо приклеенная улыбка. Прямая спина. Вот кто, видимо, в курсе всех невинных игрищ своей бывшей начальницы.

Она безропотно приглашала ко мне главного бухгалтера. Варила по моей просьбе кофе. Отвратительный, кстати. И улыбалась, улыбалась, чёртова кукла Барби. Я решил пока не доставать её. Приглядеться. Красота всё же сила. А я как-никак мужчина.

Это как наркотик – наблюдать со стороны. Даже если отключить звук, взгляд нет-нет да тянулся к огромному монитору. Они раздражали меня – люди в офисе. Слишком яркие, громкие, шумные. Вообще не понятно, как им удаётся работать. Бесконечное броуновское движение.

Она пришла за час до конца рабочего дня – пламенная революционерка. Я даже не заметил, что её не было. Зато сразу почувствовал её появление. И не только я. Им словно топлива в мотор подлили: засуетились, разулыбались, потянулись, как подсолнухи за солнцем. И где, спрашивается, её носило?..

Прям тошно смотреть на их уси-пусы. Раздражает. Но самое интересное – впереди. Они все уходят, а я понимаю: внутри развязывается узел. Наконец-то можно спокойно поработать, не отвлекаясь на посторонние раздражители. Уходят, а революционерка остаётся.

Походка у неё хорошая. Пружинящая, грациозная. Не выверенная до миллиметра, когда вышагивают на публику, а по-настоящему естественная, живая. Движения завораживают, как течение реки: вот она поправляет волосы – выбившиеся прядки, что падают ей на глаза. Дурацкие пучки-рожки задорно торчат в разные стороны, как антенны робота. Вот она перекладывает вещи, располагая их в нужном для неё порядке. Что-то пишет в блокноте, покусывая колпачок ручки, а я понимаю: слежу за каждым её жестом.

Встряхиваю головой. Чертовщина какая-то. Наверное, пора завязывать на сегодня, но лучше дождаться, когда наконец-то уйдёт и этот последний раздражитель.

Звонок её телефона. Луна и Луноход? Серьёзно? И такое лицо у неё счастливое, что хочется немедленно сделать какую-нибудь гадость. Не могу понять всплеска очередного раздражения. И она не собирается уходить. Чёрт.

Революционерка затихает наконец за компьютером, а я, перекладывая бумаги, цепляюсь взглядом за цифры и буквы и делаю неожиданное открытие: тишина действует как второе дыхание.

И всё же я невольно слежу за ней. Изредка. У неё острые лопатки. Двигаются, как крылья, когда она шустро бьёт по клавишам и неосознанно поводит плечами. На длинной шее змеится выбившийся локон. А в смешные рожки она воткнула по карандашу, став ещё больше похожей на беспокойного дурашливого робота. Антенны, блин. Космическая связь с другими галактиками. Интересно, что заставило её остаться после работы? Что она там так увлечённо ваяет? Пишет письмо любимому Луноходу? Слагает стихи на день свадьбы бывшей начальнице?

Злюсь на себя и отключаю камеры слежения. Это помогает. Ненадолго.

«Stone cold, stone cold», – взрывает тишину тоскующий голос.

От неожиданности я вздрагиваю. Что за...? Что происходит?.. И вместо того, чтобы выйти и поставить зарвавшуюся нахалку на место, рука тянется к монитору.

Она танцует. Всё те же плавные движения – ничего лишнего. Но не скупое и зажато, а ярко и артистично, когда в каждом жесте – свой особый смысл. Она танцует, а я не могу оторвать от неё взгляд.

Не постановочный танец, а импровизация. Но в небрежных штрихах проступает контур, угадывается стиль – рука Мастера.

Она плавно встаёт на мостик – перетекает, словно в её теле нет костей. Футболка задирается, и я вижу аккуратный, идеальный пупок. Там дрожит в приглушённом свете капелька пирсинга. Ну, конечно. Кто бы сомневался. Но моего скепсиса хватает ровно до того момента, когда она начинает плавно отрывать ноги от пола и выходить в стойку на руках. Потрясающе. Кажется, кто-то забыл, как дышать.

Но ей этого мало – просто движения и владения телом. Она превращает швабру в шест – чёртов пилон, вокруг которого она то вьётся, как змея, то, мотнув головой, беззвучно подпевает в воображаемый микрофон.

Я вижу, как шевелятся её полные губы. Мохнатые ресницы прячут взгляд. Голубая жилка неровно бьётся на шее, отсчитывая учатившийся пульс. Обрисовываю взглядом ключицы. Ныряю внутрь круглого выреза. Туда, где прячутся упругие грудки-мячики.

Она ладненькая, как игрушечка. В ней нет ни излишней худобы, ни лишних килограммов. Плавная, как бесконечные волны. И рост у неё – средний. Не мелкая миниатюра и не подиумная дива, а, что называется, – в самый раз. Метр шестьдесят пять – навскидку. Максимум – метр семьдесят.

Я невольно морщусь от собственного жадного интереса. Да нет, ерунда. Это чисто исследовательский подход, схожий с тем, когда на рынке лошадь выбираешь. Но да: лошадка слишком привлекательная. Горячая, явно породистая. Иначе почему я не могу оторваться?..

Кажется, дышу, как паровоз, но здесь, в этом долбанном бункере, можно: никто не слышит и не видит моего неподдельного интереса. Особенно того, что натягивает ткань брюк. Нет же, нет. Это даже не стриптиз, не эротический танец. Я настолько пресыщенный циник, что не могу так низко пасть всего лишь после нескольких аматорских движений девочки на побегушках.

У второй головы, той, что в штанах, на этот счёт своё мнение. Она не подчиняется моим доводам. Низ живота болезненно скручивает от слишком быстрой и каменной эрекции. Я бы прикрыл глаза, если б мог.

Хочу увидеть её вживую. Услышать дыхание. Почувствовать её запах. Не успеваю додумать, а ноги уже сами несут из кабинета прочь.

Она сидит на шпагате. Великолепная растяжка. Голова склонена, руки скрещены на коленке. Дышит шумно, но ровно. Рожки-пучки подёргиваются в такт. А потом ресницы её вздрагивают, и она упирается взглядом в мои туфли. Да, девочка, приятная неожиданность, я знаю.

Я держу руки, сжатые в кулаки, в карманах. Наверное, чтобы замаскировать слишком неподдельный интерес самой непредсказуемой части моего тела. В груди растёт и ширится чувство какого-то злорадного торжества. Словно я застучал маленькую нищенку за воровством сладостей.

Она выпрямляется и запрокидывает голову. Наверное, чтобы убедиться, что глаза её не обманывают. Не испугана. Не ошарашена. Разве что растеряна. Слегка.

Ника. Ника Лунина – неожиданно всплывает в мозгу её имя. Оказывается, запомнил.

Встаёт она красиво. Плавно. Ноги у неё босые, и без каблуков она немного ниже, чем мне помнится.

– Дрр.. Дмитрий Иванович?

Интересно, она меня по фамилии хотела назвать или обозвать? Я им не Крыска. И субординацию нарушать не позволю.

– Нет, Лунина. Призрак Александра Сергеевича Пушкина.

Голос мой звучит зловеще в абсолютной тишине. Видимо, выражение лица у меня не лучше, потому что она делает осторожный шаг назад. Отступает. А я наступаю. Как неумолимый рок. Как исчадие ада. Я должен её проучить, чтобы не смела больше устраивать вечерние шоу, оставаться после работы и драконить высшее начальство. А для этого я должен её хорошенько напугать.

Она неожиданно натывается на стену. Неожиданно для неё. Я-то намеренно вёл её в ловушку. Попалась!

Глава 6

Ника

Мама дорогая, роди меня обратно! Это что было-то?! Он прёт на меня, как фашист на безоружного красноармейца. Как дикий кот на мышшь. Как таран на ветхие стены древнего замка.

Ой-й-й...Паника. Паника. Ужас. Здоровый какой Драконище. Как я чуть не облажалась-то, а?.. Чуть так его и не назвала, растерявшись. А он, видимо, понял. Я по взгляду его недоброму догадалась. Этот ни единого звука мимо ушей не пропустит. Господи, машина смерти какая-то неумолимая.

Двигается он вкрадчиво. Есть люди разговаривают так. А этот – движется. Даже в костюме видно, как перекачиваются его мышцы. Видать засиделся, что-то в голову ударило, а я-то в чём виновата, спрашивается? Чем не угодила? Подумаешь, музыку на три минуты включила. Между прочим, не в рабочее время!

Вскоре я понимаю, что влипла. Прямо в стену. Приложилась лопатками и задницей. Чувствую, как пол неприятно холодит голые ступни. Непроизвольно поджимаю пальцы. То ли от страха, то ли чтобы согреть их хоть как-то.

Ну всё. Я наказана. Осознаю. Понимаю свою вину. Больше не буду. Хрен, конечно, я произнесу эти слова вслух, но пытаюсь на лице изобразить некое раскаяние. Умильную рожицу соорудить – говорят, у меня получается.

На Дракона это не действует: он делает ещё один шаг вперёд и практически нависает надо мной баобабом. Хотя нет. Драконище стройнее, но ничего на ум подходящее не приходит. Кедр? Секвойя?..

Он пахнет арктическим холодом – чем-то таким льдистым, с морозной свежестью и ментоловыми нотами, а от тела его идёт жар. Прямо обдаёт зноем. Пустынным ветром его дыхания.

– Хватит! – вскрикиваю неожиданно для самой себя. Нервы не выдержали. Уж слишком он близко, а у меня голова кругом, аж в глазах спирали завиваются.

– Да? – рычит он почти в самое ухо. Иронично так, издевательски. И хочется двинуть его. Кулаком в солнечное сплетение или коленкой в пах. Но я знаю, что ничего такого не сделаю. Он даже не прикасается ко мне.

И тут он неожиданно толкается в меня бёдрами. Впечатывается, как прибой в берег. Неумолимое такое древнее движение. Прямое, как трасса гигантской ширины. Не намёк, нет, не двусмысленность. Тут ничего не придумаешь в оправдание, не сочинишь на ходу, типа – упал, очнулся, гипс.

И меня почему-то выбивает из седла этот толчок. Мягкий и коварный, как сам господин Драконов. Я, кажется, хрипло выдыхаю. Или стону. Не знаю, что на меня нашло. Только чувствую я такое вожделение, что становится стыдно за резко вставшие в боевую стойку соски. Наверное, их видно даже сквозь плотный лифчик.

Внутри полыхнуло так, что я произвольно сжимаю ноги. Напрягаю бёдра. Следить за дыханием уже сил нет: я дышу часто, хватая раскалённый воздух ртом.

Его губы опасно близко. Твёрдые такие, выпуклые, слишком красивые для мужика. Я это ещё днём заметила. Горячие, наверное. Ойй, мама... о чём я думаю-то? Кажется, мозги мои плывут, как белый парус, вместе с телом. Ещё немного – и меня начнёт трясти. Так вдруг захотелось, чтобы он накинулся на меня и взял. Прямо здесь, у зеркальной стены, не церемонясь.

Бред какой-то. Жуть. Сумасшествие.

– Отпустите! – взвизгиваю я и начинаю активно извиваться. Почему-то казалось мне, что он держит. Вцепился. Придавил своим драконьим телом. На самом деле, он меня и пальцем не коснулся. Только бёдрами разок приложился. И то на миг. Длинной в столетья...

Мои телодвижения уходят в пустоту. Дракон стоит рядом, упираясь руками в зеркало, но мы не соприкасаемся. Никак. Нигде. Ничем. Может, мне всё почудилось с перепугу?..

Я изворачиваюсь и, как пробка из бутылки шампанского, вылетаю из-под нависшей надо мной скалы. Дмитрий Иванович не шелохнулся. Вот это выдержка, и я понимаю!

Я мечусь по офису, хватаю свои туфли и сумочку и вылетаю наружу, развив сверхзвуковую скорость. Жаль, секундомера нет: я, наверное, все мировые рекорды побил.

А он так и стоит на том же месте. Только выпрямляется, руки в брюки засовывает, подбородок задирает и наблюдает с гадкой усмешечкой, как я сумасшедшим мартовским зайцем скачу, совершая прямо-таки гигантские прыжки.

Вечерний ветер охлаждает пылающие щёки. Сдувает упавшие на глаза пряди. Неосознанно дую в ложбинку между грудями и вздрагиваю. Меня всё ещё подтряхивает. И не от ужаса, а от неудовлетворённости.

Дрожащими ногами долго не попадаю в туфли. Колени паралитически трясутся и не желают слушаться. Да что ж за на фиг?

Что это было, Холмс? Кажется, доктор Ватсон получил тяжёлое ранение в голову и последствия могут быть весьма непредсказуемыми.

Я вдруг понимаю, что не смогу сейчас ехать в общественном транспорте, трястись в метро. Непослушными пальцами натываю вызов такси. Да, знаю: надо экономить, у нас нет лишних денег, но бывают же экстремальные ситуации, требующие непредсказуемых расходов? Сейчас именно тот самый случай.

Уже в такси делаю звонок.

- Егор? - называю любимого по имени.

- Что-то случилось, Ника? - слышу в его голосе тревогу: я редко зову его по имени, когда звоню. Больше дурачимся, играя в Луну и Луноход.

- Нет, ничего не случилось, - вру, пытаюсь подавить вздох. - Просто устала и скоро буду дома. Хочу ванну с солью. Пожалуйста.

«Чтобы смыть с себя несовершенный грех», - издеваясь, хохочет кто-то гадкий внутри, но я ему отвешиваю пендель, чтобы заткнулся, и постепенно прихожу в себя.

Ничего не понимаю. Что за странная реакция?

Для девушки, которая регулярно занимается сексом с почти идеальным мужчиной, слишком пугающе выглядят дикие и непонятные страсти. Вот же - упали на голову. Или точнее, между ног. Ой, лучше не думать об этом. Кыш, кыш, дурные мысли!

Неожиданно орёт бравым маршем телефон. Я держу мобильник в растопыренной ладони, как ядовитого скорпиона. Сердце клокочет в горле. Глаза, наверное, навывате. А я в ступоре: на экране высвечивается незнакомый номер.

Глава 7

Драконов

Больше всего на свете мне хочется впечатать раскрытую ладонь в зеркальную поверхность. Так сильно, чтобы трещины пошли. Или осколки полетели, впиваясь в кожу. Почувствовать боль, чтобы очнуться.

Вместо этого я медленно отхожу в сторону и, заметив свет от монитора, направляюсь к невыключенному компьютеру. Вот в этой халатной безалаберности – суть творчески ранимых личностей. Зато есть возможность посмотреть, чем она там увлечённо занималась во вне рабочее время.

Пролистываю страницы. Чувствую, как сводит челюсти от ярости. Ну, я им покажу завтра, кто в доме хозяин. И расскажу заодно о профессионализме и кто за что деньги получает. Чтобы прочувствовали всю важность мига бытия.

В паху ноет так, что впору кусок льда в трусы засунуть. Может, тогда отпустит. Наверное, я и зол именно поэтому, а не из-за невыключенного компьютера, но заикливаться и анализировать свои поступки я не собираюсь. Недолго думая, делаю звонок.

– Привет, Марго, – это не вежливое приветствие, а прямой вопрос.

– О, Дима-а-а! – обрадовано тянет страстная куколка, с которой практически всегда можно оттянуться.

– Я приеду? – всё же уточняю на всякий случай.

– Да без проблем, как обычно, – где-то там, в отдалении, звучит музыка, но, слава богу, не слышны чужие голоса. А это значит, Марго одна. Скучает. Сейчас я развею пеплом по ветру её тоску и одиночество.

Выключаю монитор и в дверях сталкиваюсь с уборщицей. Та заполошено вскрикивает и чуть не роняет увесистые пакеты.

– Драконов Дмитрий Иванович, – представляюсь, пока она не включила голосовую сирену и не переполошила охрану в здании. – Новый хозяин креативного агентства «Розовый Слон».

Последние слова проталкиваю с трудом, разве что зубами не скриплю. Только женщинам приходят на ум такие нелепые названия – не устану повторять избитую, но суровую истину.

Клавдия Петровна разве что реверансы мне не отвешивает. Оробела от неожиданности, но глазами по офису шныряет. Видимо, ищет сбежавшую революционерку.

– Ника ушла, – разрешаю я её сомнения, и выхожу вон. Наконец-то.

Быстрая езда – ещё один способ отвлечься, но сейчас у меня плохо получается переключить мысли. Я не собирался её касаться никакой частью тела. Просто хотел проучить. Припугнуть. Тот отросток, у которого есть голова, но нет мозгов, сделал по-своему. Инстинктивно. И ему понравилось то, что он получил в ответ. Ему, не мне.

Вечерний воздух врывается через открытое окно, дарит немного прохлады, запахи пыли и поздней весны. Я вдруг понимаю: хочется дождя. Ливня. Чтобы встать под небесные струи, вымокнуть до нитки и протрезветь. Нет, я не пьян, но состояние похожее – слишком осколочно сейчас в голове, а я ненавижу, когда эмоции берут верх. Их место – подчиняться разуму и не высовываться, когда не просят.

По пути я заезжаю в супермаркет. Фрукты, сыр, вино, лёгкие закуски, сладости – ночь предстоит долгая. Немного подумав, покупаю розу – крупный бледно-розовый бутон с яркими краями на бесконечно длинной ножке. Рассматриваю его внимательно, трогая лепестки, и вдруг понимаю: он не для Марго. Скорее для девчонки со смешными рожками – больше подходит ей.

Разозлившись, дарю цветок ошалевшей продавщице – усталой женщине под сорок с лицом поздней осени – и выбираю тёмно-бордовый букет. Теперь порядок. Ничто не возмущает картину моего внутреннего видения. И больше никаких ненужных ассоциаций на сегодня. Достаточно.

Когда я звоню в знакомую дверь, кажется, что мне удаётся привести чувства в порядок. Не подчиняется только нижняя чакра, но как раз из-за неё я и приехал к Марго. Спустить пар.

Марго встречает меня во всеоружии. Живописно уложенные белокурые локоны. Грудь призывно вздымается из глубокого декольте. На ней какое-то мягко летящее платье с продуманными разрезами по бокам, что обнажают холёные ноги почти до трусиков. И чулки. О да, она знает, что мне нравится.

Я не атакую, хотя мне сейчас не до долгих прелюдий. Кто сидит в окопе и кидается в атаку, лишь хорошо изучив обстановку, в итоге оказывается в большем выигрыше, чем тот, кто поступает безрассудно. Нет ни единого дела, где нужно пороть горячку. Я таких, по крайней мере, не знаю. Секс ничем не отличается от сделок или деловых предложений.

– Ты представляешь? Светка Морозова решила таки выйти замуж за этого надутого индюка с меховыми магазинами! – вежливо слушаю пустую трескотню Марго, пока она накачивается шампанским и водит перед моим носом своими прелестями.

Хорошо подкачанная фигура. Приятные изгибы и формы, которые она умеет преподносить. Ей за тридцать, и она счастливо сходила замуж дважды. За таких же надутых индюков, как и тот несчастный, на которого нацелилась её подруга Морозова.

Марго идеально чувствует градус накала и мягко затыкается, когда моя вежливая маска готова перейти в нетерпеливые движения. Она оставляет в покое бокал и кости Светки Морозовой и идеально вписывается между моих колен. Забрасывает руки мне за шею. Наклоняется, чтобы подставить губы для поцелуя, а грудь – под выгодный ракурс.

Она хорошо пахнет. Сладкими конфетами с кислинкой экзотических фруктов. Её аромат укутывает меня покрывалом, и я ценю остроту крохотных, почти незаметных нюансов.

Я трогаю её грудь, вожу пальцами по материи, чувствуя, как напрягаются соски, как приятная тяжесть заполняет ладони. Совсем некстати в мои ощущения врывается запах зноя и другого разгорячённого тела. Грудки-мячики, к которым

я так и не прикоснулся. Наверное, именно это стало катализатором – я сорвался.

Больше не церемонюсь и не оттягиваю. Подавляю сумасшедшим напором. Платье я сдираю с Марго, ещё не доходя до спальни. Сам раздеваюсь в считанные секунды.

Марго обычно любит долгие томительные прелюдии, но сегодня я не готов ей этого дать, и с удивлением на краю сознания отмечаю, что и она, кажется, совсем не против моей слетевшей с катушек резьбы.

Она извивается подо мной и стонет. Влажная, готовая, распалённая до предела всего лишь от поцелуев да жадных рук, что блуждали по её телу, пока мы в ускоренном темпе добирались до кровати.

Я погружаюсь в неё неистово, глубоко, яростно. Ещё не грубость, но уже не нежность. Я сжимаю её бёдра пальцами – крепко и с наслаждением. Наверное, до синяков, но абсолютно плевать сейчас на тактичность: я хочу именно так.

– О-о-о, а-а-а... – стонет Марго, приподнимая бёдра, вторя моим резким движениям, подхватывая сумасшедший темп.

Она кончает бурно – я чувствую её оргазмические спазмы, вижу перекошенный вожделением рот, запрокинутую голову, скользнувшую из-под ресниц слезу.

На несколько мгновений меняю ритм – покачиваю её мягко и медленно на волнах затихающего оргазма, чутко улавливая постепенно сходящую на «нет» дрожь её тела. Она мечтает расслабиться. Улыбается, облизывает пересохшие вспухшие губы, в глазах светится истома удовлетворённой женщины.

Но она ошиблась: я не готов дать ей передышку. Выхожу из неё и переворачиваю, как залежавшуюся вещь. Ставлю на колени. Она удивлена, но не сопротивляется. Я стираю ладонью лишнюю влагу – хочу, чтобы она была не такой мокрой – и вхожу в неё сзади. Это длится долго – резкие толчки, наступательный ритм. Я как будто в шахте вкалываю: тяжело, болезненно-остро и бесконечно.

Марго уже кричит – её снова накрывает. Она сжимается так конвульсивно сладко, но мне этого мало. Недостаточно. Колени у неё разъезжаются. Я поглаживаю её твёрдые соски, ловя телом каждый всхлип и содрогание.

Даю ей немного прийти в себя.

– Ты смерти моей хочешь? – бормочет она. Взгляд плывёт, косметика размазалась, щёки горят. Но сейчас Марго больше настоящая, чем когда выступает в роли хорошенькой куклы без изъянов. – Иди ко мне, мой мальчик, – тянется она губами к моему каменному члену, что неудовлетворённо дёргает головкой. В нём ни на миллиметр не убавилось агрессии. Он всё ещё боеспособен и готов сражаться.

– Нет, – мягко останавливаю её и впиваюсь поцелуем в губы. Ласкаю рукой, провожу по влажным складочкам, скольжу по клитору вверх-вниз. До тех пор, пока она снова не заводится и не начинает подаваться мне навстречу. Не так быстро, куколка.

Я кладу её на бок и делаю очередной заход. Она обхватывает меня так плотно, что я чувствую как начинает внутри зарождаться дрожь наслаждения. Я закрываю глаза, сосредотачиваясь на ощущениях, наращиваю темп. Ещё немного. Ещё самую малость.

В последний момент так некстати всплывают в башке, как перископ подводной лодки, рожки-антенны. Они подрагивают мне в такт. Вспышка. Белое марево. И я бурно кончаю. Проваливаюсь в ослепительный водоворот долгожданной разрядки.

Кажется, Марго тоже успела. Но мне уже всё равно. Я глубоко дышу, пытаюсь прийти в себя. Она отползает и поворачивается ко мне лицом. Всмотривается в меня пристально и с восхищением. Гладит ладонью отросшую за день щетину.

– О-у-у-у, ты мой герой! – захлёбывается она от эмоций. – Не такой, как всегда. Непредсказуемый. Разный. Ты ж меня чуть до смерти сладкой не затрахал! Вау-у-у... ты таким никогда не был! – аж подвывает она. Если б могла, наверное, подтанцовывала б от радости, но, боюсь, Марго дня два придётся в раскоряку ходить. – Ну что, в душик? Так и быть, я тебе сегодня даже спинку помою.

– Не надо, – поднимаюсь с постели. – Можно я сам и первый? Мне ещё домой добираться.

– Так ты не останешься, что ли? – хлопает она глазами.

Нет. Не останусь. Перехотелось. Нет желания слушать её трескотню, смотреть, как она пьёт вино, ест клубнику. Нет настроения снова лечь в постель и продолжать секс-марафон. Вселенская пустота. Космическая дыра внутри. Приятная усталость есть. Лёгкость в теле – тоже. Нет удовлетворения и радости. Это привычно, но сегодня почему-то особенно давит.

– У меня ещё дела. А завтра – тяжёлый день. Не огорчайся.

Но, кажется, Марго не расстроена. Потягивается, как большая кошка.

Душ. Костюм. Щелчок замка. И только выйдя из подъезда и получив заряд ветра в лицо, понимаю, что дышу с облегчением, словно вырвался из маленькой душевой комнаты, насквозь пропахшей сладкими конфетами и подгнившими экзотическими фруктами.

Глава 8

Ника

Больше всего на свете я боюсь неизвестности. Вот таких незнакомых звонков на ночь глядя, например. Я не решаюсь принять вызов, а телефон трезвонит и трезвонит. Запоздало проскакивает мысль, что это может звонить новый хозяин, от которого я только что удрала. Но это не он.

– Привет, систер, – Тина чересчур жизнерадостна, а у меня сжимается всё внутри и холодеют пальцы. Незнакомый номер. Прилично поздний вечер.

– Что-то случилось? – осторожно интересуюсь я, стискивая холодными пальцами тонкий корпус своего айфона. Ещё немного – и у меня появятся новые непредвиденные траты.

– Да ничего не случилось! – опять эта наигранная бравада в голосе, и в животе скручивается мёртвыми петлями настоящий страх. – Чо ты как маленькая, блин!

– А почему ты не со своего номера? – прибиваю её бравурный энтузиазизм логикой.

– Потому что ты могла не ответить, коза! – я бы и не ответила. В точку. Всё, что осталось в прошлом, не желаю ворошить. Даже сейчас. Но, естественно, я хочу её выслушать, вместо того, чтобы тупо нажать на «отбой». – Я тебя знаю!

Сестра прямо-таки излучает торжество и продолжает бахвалиться, радуясь, что нашла наконец-то свободные уши. Конечно, она знает: я всегда отвечаю на незнакомые звонки. Пунктик у меня такой. Уж кто-кто, а она в курсе моих фобий и предпочтений.

– Ладно, – прерываю я её словесный понос. – Давай по существу. Просто так звонить, чтобы услышать мой голос, ты бы не стала, наследница престола. Не царское это дело.

– Ну что ты сразу начинаешь, – вяло отбивается Тинка, но мажорность её тональности плавно сходит на «нет». – Можно подумать, я не могу позвонить младшей сестрёнке, чтобы узнать, как у неё дела.

Если б я могла, рассмеялась. Больше года старшенькая не проявляла никакого интереса к моей персоне, а тут так приспичило, что аж ночью на кнопки понажимала.

– Тина, я сейчас брошу трубку и отключу телефон. И вообще завтра сменю номер, – угроза, как всегда, действует безотказно. Преемница отцовских капиталов судорожно вздыхает, и у меня снова начинает ныть живот. – Что ты натворила в этот раз? У вас там правда всё хорошо?

– Да что нам сделается, – уже уныло гундосит она. – И ничего я не натворила, – ещё один вздох – такой прерывистый, что, не знай я её, как облупленную, подумала бы, что там, где она, обрушилось небо ей на голову. Лицедейка. Манипуляторша. – Ника, спаси, а?

Она вдруг начинает реветь белугой, и мне по-настоящему становится плохо. Куда она вляпалась?

– Говори уже, – голос мой спокоен почему-то. Чего не скажешь о теле: внутренности разве что узлом не завязались. Морским.

– Ненавижу! – вопит Тинка яростно. – Ну почему я?! За что мне это всё? Не хочу, не могу, не буду!

– А ну прекрати истерику! – рывкаю так, что водитель невольно косится на меня, но, слава богу, ни о чём не спрашивает. Тинка всхлипывает, шумно сморкается и уже говорит по существу: – Ник, он меня замуж решил выдать! Как племенную кобылу пристроить! Ну, где я, а где замуж, а?

Кто «он», можно и не спрашивать. Отец наконец-то нашёл идеальное решение всех своих проблем: надумал спихнуть свою гордость и радость в чьи-то надёжные, на его взгляд, руки. Именно поэтому я и порвала отношения с семьёй почти два года назад. Не совсем поэтому, но это уже не имеет значения.

– Он что, старый, лысый? – уточняю я на всякий случай.

– Да откуда я знаю, – зло буркает сестрица. – Мне вот совершенно по барабану. Не хочу! Пусть сам на своём мешке с золотом женится, если уж так приспичило! Помоги, а? – последнюю фразу она произносит заискивающе, и я представляю, как она преданно заглядывает мне в глаза, хлопая густыми ресницами. Это у нас общее. И только этим мы с ней похожи – ресницами. А так непосвящённый вряд ли признает, что мы сёстры.

Тинка – типичная барби: длинноногая, стильная, лощёная во всех нужных местах. Блистательная красавица. Папина гордость. А я в точности до наоборот: его личное разочарование по всем пунктам: ни броской яркой внешности, ни изысканных манер, ни нужной хватки. И вообще я не долгожданный сын. Очередная девчонка. В общем, всё это тоже уже давно неважно.

– И чем же я тебе помогу? Замуж вместо тебя выйти? – брякнула я не подумав.

–А вот да, почему бы и нет? – с готовностью захлопнула Тинка западню, куда я по неосторожности сунула нос. Придётся действовать радикально. Лучше остаться без любопытного органа, чем поддаться на её явную провокацию.

– И не мечтай, – клац! – и капкан пуст.

– Тогда остаётся два варианта, – вздыхает разочарованно великий мастер непредсказуемых комбинаций. – Либо ты поможешь мне удрать из дома, скрыться, раствориться на время, а лучше навсегда. Приютишь бедную родственницу на своей территории...

Она прекрасно знает, что этот вариант я приму в последнюю очередь. Ядерный взрыв, наверное, меньшее зло, чем Валентина Лунина во плоти. Тем более, сейчас, когда я не одна.

– А второй вариант? – перебиваю я её соловьиные трели.

– Уговори его, а? Ник, ну, ты ж умеешь, а?.. Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! – клянчит она безобразно, как последняя попрошайка.

– Я подумаю, – отрезаю жёстко. – И не смей мне наяривать ежесекундно. Я сама позвоню.

– Ник, ты только не пропади ещё на год, а?.. А то тут скоро смотрины, все эти па-де-де, цыганочка с выходом. Не дай мне помереть молодой и красивой, а?

– Завтра. Я позвоню тебе завтра, и мы поговорим. А сейчас я устала. Главное, не паникуй. Прорвёмся.

И я наконец-то нажимаю на «отбой». Задумчиво постукиваю смартфоном по губам – дурацкая привычка, знаю. И надо ж такому случиться, чтобы прошлое догнало меня именно сейчас.

– Мы приехали, девушка, – выдёргивает меня из протрации вежливый голос таксиста.

Да, конечно. Я расплачиваюсь и ныряю в подъезд. Поднимаюсь на лифте на самый последний шестнадцатый этаж. Давлю тремя короткими тире кнопку звонка и, как только открывается дверь, растворяюсь в объятьях и янтарно-зелёных глазах любимого.

– Привет, моя Луна, – шепчет он мне в ухо, и я покрываюсь мурашками. До приятной дрожи во всём теле. – Как же я по тебе соскучился!

Глава 9

Ника

Я ловлю губами его поцелуй – долгий и сладкий. Подаюсь всем телом вперёд – льну, как шёлк. Слишком много навалилось сегодня. Хочу любви и нежности. Разрядки – бурной и крышесносной. Чтобы не оставить камня на камне от всех этих переживаний, тягостных обязательств, дурацких ситуаций.

– Кажется, кто-то проголодался, – хрипло смеётся Егор, отрываясь от моих губ. – Сейчас мы что-нибудь придумаем.

Он отступает, пятится, а я иду за ним, как приклеенная. Сбрасываю туфли на ходу. Нетерпеливо мну в кулаках его домашнюю свободную футболку. Луноход не сопротивляется. Охотно поднимает руки, помогая избавиться от ненужной одежды.

Жадно провожу ладонью по груди, кубикам пресса. Тёплый. Идеальный. Мой. Красивый до не могу. Запускаю руки в густые тёмные волосы. Терблю их, пропускаю сквозь пальцы. Треть о своего мужчину, словно кошка, и ощущаю, как растёт его возбуждение.

Он целует меня в шею. Не спеша, смакуя. Проходится языком по ключицам. Аккуратно стягивает футболку. Проводит пальцами по краю лифчика. Быстрее. Хочется немного бесшабашного неистовства, но мой Луноход никуда не спешит. Он аккуратно гладит меня по бёдрам. Медленно расстегивает пуговку моих джинсов и тянет собачку «молнии».

Нетерпеливо подаюсь навстречу. Хочу помочь ему, пытаюсь избавиться от одежды, но он не даёт. Делает всё очень ме-е-едленно, с оттяжкой. Выверенные, ювелирные жесты. И я сдаюсь покорно. Как всегда. Играю в его игру, в которой он ведёт, словно первая скрипка в оркестре.

У него всё получается, как надо. Красиво, отточено, мастерски. Но возбуждение, что бурлило во мне в коридоре, – тёмное такое, жаркое, постепенно спадает. Я снова ныряю в тихую знакомую гавань.

Мне хорошо. Уютно. Привычно. Словно из далёкого плавания возвращаюсь домой, где меня верно ждёт человек, которого я люблю.

Он раздевает меня постепенно. Педантично развешивает вещи на стуле. Лифчики на люстре – это не про него. А затем, как в танго, укладывает меня на постель. Долго ласкает, и я зажигаюсь, раскрываюсь под его умелыми и опытными руками. Но всё же, когда он входит в меня – нежно и с оттяжкой, невольно подаюсь бёдрами навстречу. Хочется глубже и яростнее.

Он двигается не спеша. Гармоничное тело группируется правильно, и у меня есть возможность полюбоваться: широкие плечи, аккуратные мускулы на предплечьях. Не перекачанные, упругие, хорошо развитые. И где бы я его ни касалась, он везде такой: гладкая спина, узкие бёдра, твёрдые ягодицы. А ещё у него стройные, как у девочки, ноги. А ещё он тщательно следит за собой. Делает депиляцию всех частей тела. Поэтому гладкий везде, приятный на ощупь.

Чёрт, я о чём-то не о том думаю. Пытаюсь сосредоточиться на его размеренных фрикциях. Мой Луноход чётко выдерживает ритм – как ему это только удаётся? Вот так, с одинаковой амплитудой, будто в нём, как в андроиде, встроена неизвестная, но сверхточная программа.

Он трогает меня за грудь. Касается бёдер. Постепенно наращивает темп, и я начинаю наконец-то разгораться. Это, конечно, не костёр до небес, не вспышка. Но ровное пламя – всё же огонь.

Я неконтролируемо двигаю бёдрами, но он придерживает меня, не давая разойтись. Поглаживает большим пальцем клитор, и я наконец-то получаю разрядку. Не бурную. Но всё же. Я даже не стону. И дрожь у меня выходит ладненькая такая – ему под стать.

Ещё несколько минут Егор наращивает темп и точно так же тихо и аккуратно кончает. Без стонов. Без рычания. Без всех этих африканских страстей. Он даже дышит почти размеренно. И не вспотел. Как и я.

Нежно обволакиваю его объятьями. Позволяю ногам сойтись на его восхитительной заднице – крест на крест. Комфортно, тепло, как в защищённом надёжном бункере. Мне хорошо. Спокойно. Здорово. Умиротворённо. И почему-то совсем некстати вспыхивает в башке взрывом полутёмный офис и толчок мужских бёдер о мои бёдра. Я вздрагиваю. Содрогаюсь. Низ живота скручивает сладким спазмом.

Мой Луноход отрывается, приподнимает голову и удивлённо заглядывает мне в глаза. Но ничего не спрашивает. Выходит из меня. Осторожно, не спеша. Снимает презерватив. Ювелирно точным движением.

– Я приготовил тебе ванну. Как ты и просила. С солью.

Какой он милый. Заботливый. Я знаю: он очень любит после секса долго стоять под душем, но сейчас жертвует собственным удобством ради моего.

– Спасибо, – поднимаюсь я с постели и целую его в гладко выбритую щёку. – Ты даже не представляешь, как мне это сейчас нужно.

И уже в ванной, погружаясь в восхитительно тёплую воду, вдыхая ароматизированные пары, понимаю, что не смогу расслабиться.

Я провожу пальцами между ног. Откуда-то накатывает запах морозной свежести и яростно знойных пустошей, где летают драконы.

Я глажу себя, ласкаю. А в голове – эти бёдра, что толкнулись в меня властно и требовательно. Упруго и напористо.

Внутри зарождаются вихри. Снова и снова ощущаю этот первобытно-необузданный жест – животный и взрывной. Я следую за ним бесстыдно и откровенно, пока меня не накрывает оргазм – сумасшедше бурный, до молоточков в висках. Я кусаю губы, чтобы не кричать. Я содрогаюсь, корчусь, погружаюсь в воду с головой, выныриваю и хватаю воздух ртом. И наконец-то

расслабляюсь. По-настоящему. Смываю с себя все печали.

Из ванной я выхожу, как Венера из пены морской – довольная и удовлетворённая. Егор сидит на кухне. Приготовил чай. Он немного горбится, и эта его беззащитная поза тревожит меня. Внутри что-то неприятно колет. Беспокойство.

– Эй, Луноход, – ерошу его волосы, – не притворяйся Роденовским мыслителем. И давай, колись уже, что тебя заботит.

– Пей чай, Ника, – подвигает он ко мне чашку. Я невольно вдыхаю запах мяты и мелиссы. Всё, как я люблю. Он ставит передо мной тарелку с бутербродами, но я только качаю головой: уже ночь, и лучше потерпеть до утра. Внимательно смотрю в его лицо. Меж бровями пролегла вертикальная чёрточка – неглубокая, но явная. Жду, когда Егор расскажет мне, что же его тревожит. И он поднимает глаза. Зелёные, с янтарными крапинками. Ясные, но грустные.

– Они потребовали вернуть долг до конца месяца, Ника.

Я вздыхаю и зажмуриваюсь. Оказывается, этот длинный сумасшедший день ещё не закончился. Безотчётно провожу пальцем по краю чашки. Накручиваю круги, пытаюсь сосредоточиться.

– Одиннадцать дней, – говорю я и улыбаюсь. Смотрю ему в глаза открыто и изображаю уверенность. – Целых одиннадцать дней. Почти две недели. Прорвёмся.

Глава 10

Драконов

Я прихожу в офис первым. Занимаю наблюдательный пункт. У меня есть план. И я не желаю давать им спуска. Но выстроить персонал в шеренгу и объявить: всё, дорогие мои, сушите вёсла и сухари – не мой метод. Тем более, что дела агентства не так плачевны, как я думал. Заслуга ли это коллектива или мудрого

руководства Кристины Генриховны – вопрос десятый.

Аргументировано, веско, жёстко – так я хочу провести реорганизацию, а не как царёк, который делает то, чего левая нога желает. Тем более, мне выпал этот шанс: поступить по-своему, как считаю нужным. Получить опыт, не оглядываясь ни на кого, не чувствуя дыхания в затылок и не выслушивая снисходительных советов. Хватит. Наелся.

У нас семейный бизнес, и до недавнего времени отец контролировал каждый мой шаг: поучал и оценивал. В этот раз я выборою право действовать самостоятельно. И ни за что не упущу возможность расправить крылья и дальше жить собственной жизнью. С недавнего времени я стал тяготиться родительской опекой.

Они сползаются в офис, как зомби: полусонные, вялые, будто ночью на них пахали. Бодро выглядит только Ксения. Она выделяется, как чужеродный предмет. Элегантная, немного отстранённая. И смотрит свысока. Не явно, но со стороны заметно. Интересный контраст.

Революционерка прибегает за несколько минут до начала рабочего дня – и слоновник оживает. Им как будто волшебного пенделя дали. Я бы сказал, вот что кофе животворящий делает, но уже не могу: вчера они вели себя точно так же. Какой-то безусловный рефлекс на эту девушку у всех. У мужиков – слюноотделение явное. Так и норовят её потрогать.

Последним в офис влетает альфа-самец – абсолютно неадекватное лохматое чудовище. Меня аж передёргивает. Кого-то он напоминает. И я даже знаю кого – моего среднего брата Илью, раздолбая и бабника. Но от этого неприязнь к нему лишь усиливается. В общем, с большой натяжкой трудовая дисциплина не нарушена: все явились вовремя и нет возможности внести хотя бы пару имён в чёрный список.

Выхожу из кабинета. Ксения сидит на своём месте с приклеенной улыбкой.

– Кофе, Дмитрий Иванович?

Она не удивлена, что я в кабинете. Надо бы проверить приёмную. Возможно, я буду приятно удивлён ещё раз, когда обнаружу, что за директорским кабинетом

тоже следят.

- Не откажусь, - меряю я её глазами. Обычно девушки вспыхивают под моим взглядом. Или чувствуют себя неловко. Но эта как из цельного куска льда. Снежная королева. Интересно, в постели она такая же холодная или наоборот - поражает темпераментом? Я возвращаюсь назад и жду её прихода. Кофе - только предлог, чтобы выманить личную помощницу на собственную территорию.

Она вливается с подносом в кабинет ровно через пять минут. Грация у неё, конечно, вышколенная, но неживая какая-то. Сегодня я это вижу ясно.

- Присаживайся, - делаю знак рукой, и Её Холодное Величество плавно опускается на стул. Выжидательная пауза. Колыхание ресниц. Грудь трепещет в такт глубокому дыханию, словно эта томная пава волнуется. Как же. Отлично отрепетированный приём.

- Вы что-то хотели, Дмитрий Иванович? - не выдерживает Ксения. Не так-то она безмятежна, как хочет казаться.

- Хотел, - пауза. Напряжённость во взгляде личной помощницы. - Информацию.

Она слегка расслабляется. Думала, я хочу поиметь её на этом шикарном столе?

- Расскажи-ка мне о сотрудниках агентства.

Ксения приподнимает идеально выщипанные брови и складывает руки на коленях.

- Вы хотите услышать что-то конкретное?

- Да. То, чего нет в личных делах.

- Сплетни? - она не осуждает, а уточняет. Люблю деловой подход.

- Что-то очень близко, - киваю.

Ксения немного думает, демонстрирует мне губы: поджигает их, покусывает, проводит языком по кромке. Наверное, в другое время меня заинтересовали её манипуляции, но не сегодня. А может, и никогда. Я вдруг понимаю: ни хрена она меня не волнует. Не хочется даже ради спортивного интереса её трахнуть. Наоборот: стойкое ощущение, что я хочу от неё избавиться. Выгнать в шею первой.

Странный парадокс: она больше других внешне отвечает моим внутренним стандартам красоты, стиля, некоей элегантности. Что называется, попадает в образ бизнес-леди, хорошего работника, который чётко знает своё место, обязанности. Её одежда ближе к дресс-коду. И так далее. Однако внутри растёт отторжение. Негативная реакция. И я не могу понять, чем она вызвана: ровным счётом ничего эта девушка не делает ни предосудительного, ни нарушающего профессиональную этику.

Ксения даже информацию о коллегах выдаёт обтекаемую, кругленькую, почти безликую. Её характеристики сплетнями-то назвать можно с большой натяжкой. Ну с очень с большой.

На самом деле меня мало интересуют эти попугаи, но я терпеливо жду, как тот философ, что сидел на берегу реки и ждал, когда мимо проплывёт труп его врага. Мой «труп» плыть не спешил. Она перебрала всех, кроме Ники. Выдала абсолютно пустую породу и захлопнула рот, как печку – заслонкой. И снова призывно поколыхала ресницами.

– Ты забыла о Луниной, – бросаю я слова-камни и смотрю на Ксению тяжёлым взглядом, давая понять, что у меня хорошая память. Снова эти приподнятые в деланном удивлении брови.

– А что Лунина? – корчит она из себя дурочку. – Обслуживающий персонал. Офис-менеджер, если сказать красиво.

– А если по существу? – всё же надавливаю, чтобы выжать из этой сухой корки хоть каплю информации. Что-то мелькает в её взгляде. И меняется в лице – неуловимо, но явственно.

– А если по существу, то она типа душа, – ехидно тянет слова Ксения и улыбается. Не дежурной улыбкой с плаката, рекламирующего зубную пасту, а

настоящей. С подковыркой. Её словно прорывает.

– Знаете, как бывает? – плюётся она ядом, не сдержавшись. – Вроде человек и никто, а без него – никак. Вроде ничего особенного, а всё вокруг него крутится. Вот Лунина как раз из этой породы. Без неё вода не освятится. Кофе невкусный. Супец жидкий. Может, именно поэтому её Кристина Генриховна и держала. Абсолютно бесполезная должность у неё в нашем агентстве, – подчёркивает Ксения жирно, словно пытается вложить в мою голову нужную мысль, и продолжает метать отрывистые, как дротики, начинённые ядом кураре, фразы: – Зато чистойшей воды бриллиант. Энергетический коктейль. Вездесущая натура. Подниматель коллективного духа и опускающий критического уровня негатива. Душа, короче.

Сарказм. Неприкрытая язвительность. По-настоящему живые эмоции у этой безжизненной субстанции по имени Ксения Соболевская. И, кажется, она искренне считает, что может так пренебрежительно, с определённой долей ненависти говорить о девушке. Точно так же, как и смотреть на меня. С острым прищуром. С лёгкой насмешкой на губах – теперь я это вижу отчётливо.

На мгновение мне становится нехорошо. Отвратительно даже. До железистого привкуса во рту. Слишком уж у неё проникновенный взгляд, с толстым таким намёком. Будто поймала меня на чём-то непристойном.

Внутри растёт уверенность: она знает, что творилось вчера после окончания рабочего дня. Подсмотрела. И поэтому сейчас наглет.

Снежная Королева считает, что может показать своё превосходство? Слишком слабый удар. А у меня каменный пресс. И стальные нервы. Хрен она угадала, если думает, что мной можно манипулировать.

Глава 11

Драконов

Бессердечный я человек. Ксения так старалась, а я не оценил её рвения.

– Свободна, – машу рукой на дверь.

Под моим тяжёлым взглядом, личная помощница схлопывается, как раковина, приклеивает дежурную улыбку назад. Пытается колыхать ресницами, вздымать грудь. Бесплезно. Всё, что хотел, я уже и увидел, и услышал. Идёт она медленно, не спеша, покачивая бёдрами, как баржа. Даёт оценить тыл. Я провожаю её взглядом, но внутри – только здоровая злость. Ноль интереса. Объект потерян безвозвратно, и позиций ему уже не отвоевать. Дверь за ней закрывается бесшумно.

Кидаю взгляд на монитор. Рабочий процесс набирает обороты. Лунина наяривает по телефону. И лицо у неё – как ни задымится. Интересно, о чём с такой страстью может говорить офис-менеджер? Бумагу ей не того сорта подсунули?

Я выхожу из вип-зоны и вижу, как замирает жизнь. Они напоминают бандерлогов, что немеют при виде великого Каа. Не привыкли ещё. Боятся. Кидают взгляды исподтишка. В офисе даже градус шума падает почти до критической отметки. Слышно только, как чертыхается альфа-самец, что ковыряется в системнике, выуживая оттуда жёсткий диск, и жизнерадостно щебечет Лунина:

– Благодарю вас! Всегда рады сотрудничеству!

Видать опять не в свои дела нос суёт. Ничего, я укорочу ей и пыл, и рвение.

Я выхожу из здания и делаю звонок. Мучительно хочется закурить, хотя я и не курю – так, балуюсь изредка, когда расслабляюсь.

– Геннадий Львович? Есть дело.

Я кратко описываю проблему. Гена хмуро «дакает». Я так и вижу, как он усердно трёт большой ладонью густой ёжик волос, супит лохматые брови и раздувает ноздри. Мы договариваемся встретиться вечером.

Вдыхаю весенний воздух и уже собираюсь возвращаться в офис, когда меня настигает телефонная трель. О, нет, только не это. Я малодушно подумываю о том, чтобы проигнорировать, но подавляю в себе низменное желание: он всё

равно меня достанет, поэтому лучше столкнуться с неизбежной силой торнадо сейчас.

– Привет, Димон! – морщась, отстраняю мобильник от уха: у моего абонента здоровые и мощные лёгкие.

– Илья? Тебе что-то нужно? – буйное начало моего брата лучше пресекать на корню, иначе есть риск погибнуть в смертельном водовороте.

– Я только что вернулся, а тут такие новости! – продолжает он орать возбуждённо. Я слышу, как что-то падает с глухим стуком. Надеюсь, это не труп несчастного прохожего, которого сбил мой темпераментный братец.

– Какие такие новости? – пытаюсь заморозить его пыл хотя бы на несколько минут.

– Ну, перестань, Димыч, ты чо? Отец сказал, что тебе удалось уломать эту противную швабру – фрекен Бок.

– Овербек, – поправляю машинально и слышу довольный хохот Ильи.

– Да-да, всё время забываю её снобскую фамилию! Я тут неподалёку. Я заеду?

– Нет! – буквально рычу в динамик, но Илья меня уже не слышит. Где-то там, на заднем фоне, звучит музыка, и связь разрывается.

Безусловно, он не тридцать три несчастья, но одно хорошее стихийное бедствие – точно. И, наверное, лучше его пережить сейчас. Я немного медлю, но глупо ожидать, что брат появится в сию секунду. «Неподалёку» для него может означать что угодно. Я успеваю выпить чашку кофе и основательно погрузиться в бумаги, когда Илья феерично врывается в офис. Подозреваю, это его спортивный «Ягуар» только что визжал тормозами у нас под окнами.

Илье хватается всегда несколько секунд, чтобы сориентироваться. На него сразу делают стойку, хотя он мало похож на того, кто пришёл заказать рекламу. Низко сидящие джинсы. Растянутая белоснежная майка. Кожаная косуха. В ухе белым металлом сверкает серьга. Коротко стриженный затылок. Выбритые виски. Чёлка

падает на глаза. И улыбка, способная затмить солнце.

- Дро-о-он! – кричит мой креативный братец прямо с порога.

- Ил! – вопит в ответ татуированный орангутанг и чуть на радостях не сметает со своего стола педантично разложенные, как хирургические инструменты, детали к системному блоку.

Они хлопают друг друга по плечам, жмут руки и ведут себя так, словно сто лет не виделись и наконец-то встретились. Кто бы сомневался: я не знаю ни одного места, где, появляясь, Илья тут же не находит кого-то из знакомых. Ну, или знакомится с такой скоростью, что не успеваешь и глазом моргнуть. Он вливается. Мимикрирует. Принимает любую форму, как аморфная масса. Становится своим в любой компании.

Вот и сейчас он знакомится с фауной «Розового слона» с устрашающей космической скоростью. Заглядывает в компьютеры. Суёт нос в рисунки художника. Чуть не повергает в экстаз нетрадиционала с опухшим носом, когда вмешивается в его гениальную дизайнерскую мысль. Лёгкий. Контактный. Я бы позавидовал ему, наверное, если бы не одно «но»: брат поверхностный. Безответственный очаровательный раздолбай, не способный ни на серьёзную работу, ни на глубокие чувства и отношения.

Он уже кинул себе под ноги трепещущие женские сердца слоновника – ему хватило взглядов и улыбок. Одна Лунина осталась неохваченной его бурлящей энергией: сидит к нему спиной, продолжая названивать по телефону. Она не делает вид, что не замечает моего феерического братца. Его появление не привлекает внимание разве что мёртвых. Скользнула глазами, повернув голову, когда Илья материализовался на пороге, и снова углубилась в свои неотложные дела.

- Привет! – присаживается он к ней и заботливо заправляет выбившуюся из её причёски прядь за ухо. Интимно и доверчиво. С обезоруживающей прямоотой.

Я вижу её профиль. Мохнатые ресницы. Взгляд, обращённый на Илью. Вопросительно приподнятую бровь. Пухлые губы приоткрываются. Я цинично наблюдаю за мизансценой. Сейчас она, как и другие, улыбнётся ему. Растает. Начнёт глупо хихикать над дурацкими шуточками. Потечёт плавно по офисному

креслу к его ногам.

Но Лунина только отстраняет нахальную руку моего брата и возвращает прядь назад. Её волосы слегка пушатся, прикрывая ушную раковину.

– Я не люблю, когда ко мне прикасаются незнакомые люди, – произносит она громко, тоном очерчивая вокруг себя черту, переступить через которую – опасно для жизни.

– Так давай познакомимся, – не теряется мой несравненный родственничек. – Меня Илья зовут, – протягивает раскрытую ладонь. Вот сейчас она вложит свои тонкие пальцы и растает.

– Ника, – отвечает она и отъезжает вместе с креслом на некое расстояние, разрывая слишком тесный контакт. – И когда знакомые ко мне прикасаются без веских на то причин, не люблю тоже.

Илья так и сидит с протянутой ладонью, будто милостыню просит. Завис на миг. А я вдруг со злорадным торжеством думаю, что прикасался к ней. Вчера. Причём довольно тесно. И это воспоминание пронзает меня тёмным жаром. Чёрт. Если где сейчас и тесно, так это в моих штанах.

– Да ладно! – затмевает улыбкой свет Илья и разводит руками. – Принцесса Недотрога? В самом центре тьмы? Можно я стану адептом твоей веры? Буду поклоняться и следовать, изучать и сеять по миру семена благодати?

Он ещё несёт какую-то чушь. Я выравниваю дыхание. Надо прекращать этот балаган. Выхожу из кабинета и замечаю, как жадно прилипла к своему монитору Снежная королева Ксения. Вот так, значит. Подглядывает.

При моём появлении она начинает судорожно бить по клавишам, натягивая на лицо абсолютно деловое выражение. Я не делаю замечаний. Прохожу мимо. Пусть думает, что я ничего не вижу.

Вот почему, почему, как только я делаю шаг в офис, чувствую себя неуютно, как разведчик на вражеской территории? Может, потому, что все они – незнакомцы с неизвестным часовым механизмом. Ходячие бомбы. Чужие люди. За

исключением родного брата, конечно. Но то, что и он – взрывчатка, я не сомневаюсь.

– Дмитрий Иванович? – артистически заикается Илья. Я мог поклясться: он даже побледнел, подлец. – А вы что тут делаете?

Гкхм. Вот, значит, как. Не хочет признаваться, что мы родственники? Ну, ладно.

Глава 12

Ника

– Пришёл по твою душу, Илья, – у меня мурашки от его глубокого голоса. Босс не рычит, нет. Но столько бездны в холодных интонациях, что хочется поёжиться. Обхватить плечи руками.

Клоун и весельчак, что сидит рядом, превращается в тень. Кажется старше и скучнее. Свет в его глазах тухнет.

– Поднимайся! – командует Дракон, и Илья вскакивает на ноги, словно в заднице у него – пружина.

– Я твой приверженец, Ника, – шепчет негодяй, сверкая весёлым глазом сквозь упавшую прямую чёлку, склоняется, осторожно касается моей руки и подносит к губам. Легко целует мои пальцы. У него горячие и немного шершавые губы. Обветренные или зацелованные.

Затем он выпрямляется и, следуя за повелительным кивком Драконища, направляется к дверям. Я провожаю их взглядом. Что может связывать холёного Дмитрия Ивановича в дизайнерских туфлях и костюме за несколько тысяч баксов и этого харизматичного разгильдяя, похожего на покорителя ночных дорог – дитя свободы и тёмных улиц?

Я невольно цепляюсь за их спины. Что-то неуловимое задевает меня, заставляя приглядываться и думать. Высокие, плечистые. Походки у них разные – Илья

более раскован, но жесты... Но додумать я не успеваю.

– Shi-i-it, – шипит протяжно Дрон, ероша и без того всклокоченные волосы. – Вот, бля. – он тоже смотрит вслед парочке, что уже скрылась за входными дверьми. А потом переводит взгляд на меня. Синь его доверчивых глаз обезоруживает. – Ник, а как там нашего нового? Напомни, а?..

Вот что значит не засорять мозги ненужной информацией. Я ему по-хорошему завидую.

– Драконов Дмитрий Иванович, – освежаю его память.

– Точно! – звонко щёлкает он пальцами, словно делает гениальнейшее открытие. И физиономия у него такая же – одухотворённая. – А я-то думаю! Мы с Илюхой вместе в инсте учились. На одном курсе, – поясняет он, доверительно заглядывая мне в глаза. – Так это... у него тоже фамилия – Драконов. Во-о-от.

Он снова смотрит на дверь и чешет в затылке. Я слышу, как, вздрогнув, выдыхает дружно офис, и в воздухе несётся, ширится всеобщее «бу-бу-бу» и «шу-шу-шу». Сенсация. Надо же. У нашего Дракона родственник имеется. Судя по всему, брат.

Я вижу, как Илона, Люда и Наташа, вытянув шеи, напряжённо смотрят в окно. Слетелись, сороки, на блестящую мишуру.

– Ах, какой спорткар, – восхищается Илоночка.

– Необычный цвет, – морщит нос прагматичная Натаха.

– Интересно, сколько ему лет? – задумчиво спрашивает романтичная Людочка и тут же, отлепившись от подруг, атакует Дрона: – Андрюшка, а ну признавайся, тебе сколько годков-то?

Дрон преображается. Я обожаю наблюдать за его метаморфозами, когда он из эдакого рассеянного гения превращается в brutального мачо. Обжигает синими глазами – многозначительно так, с роковой улыбкой на тонких губах.

- Двадцать шесть, Мила, двадцать шесть. Ты уже однажды спрашивала.

- А?.. Да-да, - послушно соглашается Людка, полностью погружённая в собственные мысли.

У меня всегда вызывает недоумение подобный интерес. Нет, многие девушки определённо глупеют, стоит только рядом появиться типам, похожим на младшего Драконова.

За окном противно визжат шины отъезжающего авто. Девушки восхищённо ахают. Видимо, младшенький эффектно свалил. Старший Дракон появляется в офисе через пару минут. Под сталью его потемневшего взгляда девчонки мечутся, как пугливые кролики, и рассредоточиваются по рабочим местам.

Он не делает замечаний. Не разговаривает. Видимо, считает ниже своего драконьего достоинства вести беседы с приговорёнными к аутодафе. Я с тоской думаю, что будет, когда он объявит: агентство тю-тю, вы безработные. Может потому с непонятным упрямством и яростью убила целое утро на поиски новых клиентов и переговоры со старыми.

Я не могу смириться. Только и всего. Не привыкла пасовать и отступать. И буду бороться до конца, даже если это просто агония. По фиг. Лучше делать, чем потом корить себя, что могла что-то изменить, но не пошевелила и пальцем. Прорвёмся.

Драконище шагает широко. По его лицу ничего нельзя понять, но мне почему-то кажется, что он взбешен. Интересно: это он на нас злится, или брат вывел из себя? Такой может. Невольно вспоминаю его подмигивающий из-под чёлки глаз, широкую улыбку и чувствую, как у меня губы сами по себе растягиваются от уха до уха.

Босс уже почти пролетел мимо, как вдруг резко обернулся всем корпусом и угрожающе навис надо мной.

- Что вас так веселит, Лунина? О чём грезим?

Ну вот. Нашёлся козёл отпущения. У Драконища серые, со стальным блеском глаза, но обжигают они не хуже инквизиторских костров.

– Ни о чём, господин Драконов, – спокойно отвечаю, опустив очи в пол и расслабив мышцы лица. В такие моменты лучше прикинуться тупой запуганной овцой.

Он слегка медлит, наверное, раздумывая, чем ещё уколоть меня, а потом продолжает путь. Я осторожно выдыхаю. Пронесло.

И всё. Дальше день покатился, как сыр, смазанный маслом: бесконечно бурный и долгий, моментами весёлый и творческий. Драконище ушло после обеда, и все выдохнули. Стало свободнее, радостнее. Как ни крути, а его присутствие угнетает. Ксении он заявил, что сегодня больше не появится в офисе. И эта новость положительно сказалась на всеобщей работоспособности.

Под конец дня я вымоталась до предела.

– Ник, мы там не доделали немного, – винятся Люда и Натаха. – Вычитать надо. Ну, и подправить, естественно. А ещё пришли материалы от фрилансеров.

– Посмотришь на сайт? – спрашивает веб-дизайнер Серёга и скорбно сморкается в огромный клетчатый платок.

Я улыбаюсь им и киваю. Конечно, я всё сделаю. В опустевшем офисе балдею от тишины и звоню Егору.

– Не грусти, Луноход. Это всего лишь работа. Постараюсь побыстрее, но, наверное, приеду нескоро, – вздыхаю, услышав расстроенный голос любимого мужчины.

Собираюсь с духом и настраиваюсь. И замечаю пять пропущенных звонков. Чёрт. Тинка. Набираю знакомый номер.

– Тина, я же просила: не звони мне.

– Да ты забыла обо мне! – возмущается сестра. – Тебе плевать на меня! Сама вложишь в пасть льву и челюсти захлопнешь. И порадуешься моей преждевременной кончине!

– Не приукрашивай, прошу тебя, – я так устала, что не хотелось ни спорить, ни возражать, но с Тинкой показывать слабость нельзя.

– Смотрины назначены через две недели, прикинь?

– Прикинула. Дальше что?

– Не бросай меня! – в голосе Валентины – паника. – Отец даже не сказал, кто счастливый жених! Подозреваю, подложит он меня под любого, лишь бы у него была гора денег.

– Я тебя не брошу, пообещала же, – терпеливо втолковываю совсем обезумевшей Тинке. – Две недели. Целых две недели, слышишь? Расслабься. А там – прорвёмся. Слово даю.

Сестра шумно выдыхает, почти успокоенно бубнит и выкручивает мне руки, напоминая в сотый раз о данном обещании: уговорить отца не выдавать её замуж. Она отключается и я наконец расслабляюсь.

– Слава богу. Теперь можно и поработать, – произношу вслух и вздрагиваю, услышав шаги за спиной. Волосы на затылке у меня встают дыбом.

Глава 13

Драконов

Она вздрагивает, как трусливый заяц, оборачивается. Взгляд у неё абсолютно дикий. Мысленно потираю руки: о, да, мне таки удалось её напугать.

– Ч-что вы здесь делаете? – голос её раздаётся гулко в пустом помещении.

– Хороший вопрос. Хотел спросить то же самое.

– Я... э-э-э... это... – блеет она, а глаза у неё бегают, как у воришки, пойманного на месте преступления. Собственно, всё так и есть.

Жду, когда она признается в своём грехопадении, но Лунина каяться, по всей видимости, не собирается. Что ж, я не против поиграть в кошки-мышки.

– Идите домой, Лунина. Рабочий день окончен, и вам нечего здесь делать, – побольше холода и металла в голосе. Впрочем, я даже не переигрываю: во-первых, я жду своего безопасника, и мне не нужны лишние глаза и уши, а во-вторых, она меня раздражает. И тем, что торчит здесь, и тем, что пытается лгать. Недосказанность – тоже ложь. Я прекрасно знаю, почему она остаётся по вечерам: делает чужую работу. Не пойму только, зачем ей это нужно. Что за странное патриотическое рвение? Но раз она не хочет признаваться, подожду и я. У меня достаточно терпения, чтобы её переиграть.

Мы стоим друг напротив друга и меряемся взглядами. Я позволяю насмешке коснуться моих губ. Грязной и оскорбительной. Раздеваю её глазами. Задерживаюсь на грудках-мячиках. Вижу, как вспыхивают её щёки. Ну же!

Я вдруг понимаю, что подспудно жду «драки». Жду, когда выведу её из себя и сцеплюсь. Посмотрю, какова она в гневе. Но Лунина непредсказуема, как весенняя погода.

Вот она только что стояла, сжимая кулаки, готовая к схватке. И тут же расслабляется, словно ничего не произошло. Пожимает плечами. Спокойно собирает вещи: основательно, не торопясь. Слежу за каждым её жестом. Странное такое преображение. Сейчас она сама безмятежность.

Меня отвлекает телефонный звонок: это Геннадий Львович подкатил. И пока я распоряжаюсь, чтобы охрана его пропустила, эта маленькая ведьма хладнокровно скидывает что-то на флешку и выключает компьютер. Вот так. Переиграла. Ну, ладно. Тем слаще будет мой триумф. Я подожду. А она попадётся снова.

Ника королевой проплывает мимо. Отличная осанка. Расправленные плечи, гордая посадка головы. Не печатает шаг, а скользит. На секунду зависаю,

проводя её взглядом.

Лунина не трясёт задом, не качает призывно бёдрами, но примагничивает куда сильнее, чем искушённая и знающая себе цену Ксения. Чёрт знает, почему я их сравниваю. Может, потому что отклик моего тела – слишком реактивный – мне не нравится.

Она сегодня без рожек. У неё объёмный пучок-бублик – вполне скромный и деловой. Но пушистый локон, что сбегает задорным ручейком по длинной шее, делает её всё той же инопланетянкой. Только антенны спрятались.

В дверях Лунина сталкивается с Геней. Я вижу, как цепко сканирует её безопасник.

– Кто такая? – спрашивает он, дождавшись её ухода. Я вижу его хмурый взгляд и насупленные брови. – Где-то я её видел.

– Не сочиняй, – охлаждаю привычную подозрительность. – Она просто сотрудница. Даже не выдающаяся какая-то публичная дива, а всего лишь офис-менеджер. Займись лучше делом.

Гена качает головой. Он профи. За это отец его и держит. Но вряд ли он мог где-то сталкиваться с Луниной.

– Ты точно уверен, что твоя Кристина Генриховна не маньячка? – спрашивает он у меня через полчаса. – Такое впечатление, что у неё паранойя. Весь офис в игрушках. Обвешала, как новогоднюю ёлку.

– Это удобно, – возражаю я, хотя в глубине души считаю, что бывшая владелица явно палку перегнула. – И я бы не хотел избавиться полностью от этого добра. Всего лишь перераспределить силы. Убрать лишнее. Особенно из моего кабинета.

Гена пустых вопросов не задаёт, кивает в ответ.

– Я вызову тогда пару толковых ребят. Одному мне не справиться быстро.

– Особенно у секретарши моей пошерстите. По-моему, она тоже играет в шпионов и имеет доступ к камерам. Во-первых, нужно лишить её такого бесплатного удовольствия, а во-вторых, не желаю, чтобы она следила за мной. Из любопытства ли или по чьему-то приказу. Судя по всему, Генриховна чересчур доверяла этой змее, раз позволила шпионить.

Гена смотрит на меня с прищуром.

– Думаю, всё намного проще. Вы, такие занятые и вечно куда-то спешащие, перекладываете часть обязанностей на подчинённых. Скорей всего, бывшая хозяйка слоновника поручила помощнице установить камеры, а та выполнила её распоряжение с широким размахом и творческим подходом.

Может, и так. Для меня сейчас важно избавиться от лишних глаз. И я в который раз думаю, что повесил на шею ярмо. Стал владельцем ненужного мне агентства только потому, что маньячка Овербек наотрез отказывалась закрыть своё драгоценное детище. Носилась с ним, как курица с яйцом.

Мои невесёлые размышления прерывает телефонный звонок.

– Дима! – кричит возбуждённо Марго. – Не желаешь ли оттянуться? У нас тут весело, йоуу! – она перекрикивает музыку, а это значит – зависает в клубе. Уже слегка пьяная и весёлая. – Морозова прощается с девственностью! А я жду тебя, ты не поверишь! А не придёшь, я охмурю твоего милого братца!

Я глухо кашляю в кулак: её придурковатая подружка Морозова распрощалась с невинностью много лет назад, а что касается моего шального братца, то ещё вопрос, кто кого охмурит.

– Сегодня теряйте девственность без меня, – говорю твёрдо. В висках бьётся боль. Я устал, как собака. А мне ещё предстоит нанести визит вежливости отцу: он звонил днём, распинал за долгое отсутствие и выкрутил руки, взяв с меня обещание поужинать за тёплым семейным столом. Видимо, Илье удалось избежать этой участи. Или брат просто забил. Он может. Я – нет.

– Справитесь без меня? – спрашиваю Гену, ловлю очередной кивок в ответ и, дождавшись приезда его парней, отчаливаю со спокойной душой. На Гену можно положиться: уж если за что он берётся, то делает всё основательно.

Я подъезжаю к отцовскому дому после восьми.

– Ты опоздал, – звучит как обвинение, но к отцовской жёсткости я привык.

– Дима! – кидается ко мне рыжий вихрь – Иван-младший, брат по отцу. Он цепляется за меня как обезьянка. Для одиннадцатилетнего пацана слишком избалован и горяч, но я люблю его и балую вместе со всеми.

– Привет, Рыжик, – бью раскрытой ладонью в его ладонь и ловлю напряжённый взгляд мачехи. Застыла изваянием. Следит за каждым моим жестом. Моя бывшая одноклассница Сашка. Рыжая бестия. Моя первая любовь. Но какое это сейчас имеет значение?

Глава 14

Ника

Хоть внешне это никак не проявляется, внутри я киплю и булькаю, как забытый на плите суп. Годы бесполезной борьбы с отцом закалили меня, но иногда прятать Лунинский темперамент – нелёгкая задача. Я пытаюсь успокоиться, абстрагироваться, нырнуть поглубже в себя и зарыться в водоросли собственной души.

Пока медитирую, справляясь со злостью к Драконищу, бесцельно меряю шагами тротуар. Егор не любит, когда я сижу дома за компьютером. Именно поэтому я задерживаюсь в офисе. У моего Лунохода пунктик: приходя домой, забывай о работе и наслаждайся общением. Но сегодня форс-мажор. Придётся ему потерпеть.

Народ спешит с работы, на остановке – аншлаг. Духота и давка – вот что ждёт меня. Может, поэтому люблю возвращаться домой вечером, попозже, когда основная масса народа уже наслаждается домашним уютом. Вздыхаю, посылаю Драконову горячие лучи добра от всей широты моего возмущённого сердца, и вместо того, чтобы сесть в маршрутку, достаю телефон. Ну, раз уж освободилась пара часов, почему бы не использовать их на другое, не менее горящее дело?

– Давай встретимся. Сейчас, – говорю, как только сестра отвечает. – Приезжай в кафе «Луч», – читаю вывеску заведения через дорогу. Я иногда бегаю туда на обед.

Пока жду Тину, заказываю кофе и слушаю медленную тягучую музыку. В «Луче» уютно даже вечером: на столиках зажигают разноцветные фонарики, народ сюда приходит шумный и весёлый. Мне нравится окунаться в разговорный гул, смех и бесконечно льющиеся из динамиков песни.

Я вдруг понимаю, что пахала сегодня без перерыва и от голода готова сожрать слона. Или дракона. Заказываю и успеваю откусить первый кусок пиццы – горячей, с пылу с жару, с тягучим расплавленным сыром сверху – всё, как я люблю, когда на стул напротив плюхается моя идеальная сестра.

За то время, что я её не видела, она похорошела ещё больше. Тине двадцать пять – на два года больше, чем мне. По-хорошему, ей и впрямь пора остепениться, выйти замуж. Может, отец не так уж и не прав, когда заговорил об этом. Но Валентина считает по-другому.

К слову, она терпеть не может своё имя. Поэтому – загадочное Тина вместо, на её взгляд, простоватого имени, данного ей при рождении. Она его и стесняется, и ненавидит. И сменила бы давно, если б так не трусила перед отцом.

– Ты в своём репертуаре, – сразу же начинает с обвинений сестра. – То слова от тебя не дождёшься, то мчись куда-то на ночь глядя, потому что тебе приспичило.

– И я тебя очень рада видеть, Тина, – мягко вклиниваюсь в её страстный монолог. Тину ненадолго перемыкает. Она зависает, как компьютер, а затем жмёт на внутренний «резет», перегружается и фыркает. Наконец-то похожа на себя. На ту девочку, с которой мы росли вместе. С неё слетает налёт капризной избалованной девы. Глаза блестят, на губах – искренняя улыбка. И она становится ещё красивее, если такое возможно.

– Пицца? На ночь? – из неё так и прёт азарт, и вот она уже цапает кусок побольше и, закрыв глаза, с наслаждением откусывает. – М-м-м-м...

Вкушнотищца какая, – шепелявит она с полным ртом, жуёт и вздыхает: – Вот

скажи: почему всё вредное такое вкусное?

– Потому что. Рассказывай в деталях, – командуя я, заказывая зелёный чай. Под жирную пиццу – самое то.

Тина делает страдальческие глаза. Брови у неё ломаются, как у печального Пьеро. В этом она вся: непостоянная, вечно меняющаяся. То холодная, то горячая, как контрастный душ. То бурлящая, то спокойная, как море. Изменчивость – её второе «я». И не каждому дано привыкнуть к её вечным заскокам.

– Рассказывать толком не о чём. Папуля скрывает. Смотрины вслепую. Он сделал всё, чтобы я с крючка не сорвалась, как в прошлый раз.

О, да, это не первый крестовый поход за женихом для Тины. Три года назад папуля нашёл для неё «золотого мальчика из хорошей семьи». Попытка number one закончилась трагическим фарсом: золотой мальчик тоже не горел желанием жениться и променял красивую и перспективную Тинку на банальные дензнаки. Сестра купила свободу. Жених с радостью продался и свалил в Европу, подальше от скандала и бывшей невесты.

– Когда нас это останавливало, – пренебрежительно фыркнула я. – Всего лишь усложнилась задача. Тем интереснее будет разгадать ребус.

– Боюсь, в этот раз всё намного печальнее: он перекрыл мне кислород, – она так несчастна сейчас, что хочется её пожалеть. Приютить, как бездомного котёнка. Отдать последнее. Но я слишком хорошо её знаю, чтобы вот так сразу повестись на якобы неподдельный трагизм.

– Что, совсем? – уточняю я, откусывая очередной кусок пиццы и разливая душистый чай из керамического чайника по чашкам. – Мне нужны деньги, Тин, – вздыхаю тяжело. День назад я бы руку себе откусила, но ни за что не стала бы просить у сестры. Да и вообще ни у кого из Луниных. Исподтишка наблюдаю за реакцией Тинки.

Иногда она похожа на обезьянку. Нет-нет, она по-прежнему красива, как кукла, но у неё, когда забывается, очень выразительная мимика: эмоции сменяются с такой скоростью, что личико превращается в забавную мордочку: брови

взлетают, щёчки дёргаются, носик морщится, губки то в куриную гузку складываются, то растягиваются до ушей. При этом в глазах – ураган проносится. И сейчас она смотрит на меня хитренько. Точь-в-точь макака-резус.

– Ну-у-у, – тянет она, позабыв, что буквально минуту назад умирала у меня на глазах от скорби, и ноздри у неё вздрагивают, как у хищника, что почуял добычу. – Буду счастлива поделиться с тобой заначкой. Лишь бы sprыснуть и в этот раз.

– Мне много надо, – вздыхаю ещё тяжелее и называю сумму. У Тинки глаза в буквальном смысле на лоб лезут. Она даже выдыхает сквозь зубы совершенно неприлично: «пр-ф-ф-ф». А затем подбирается, в сузившихся глазах её крутится счётчик – щёлк-щёлк.

– Ты куда влетела, систер? – задумчиво жуёт она нижнюю губу. Спокойно так, словно я не огромную сумму попросила, а карандашом временно попользоваться. Мне не очень хочется объяснять, поэтому я неопределённо машу рукой. – Впрочем, не хочу ничего знать, – теперь она поднимает обе руки, словно отгораживаясь от несказанных мною слов. – Меньше знаешь – лучше спишь. Я добуду тебе эти деньги, а ты сделаешь так, чтобы папин протезе исчез с моего горизонта. И мне без разницы, как это случится.

– По рукам, – поспешно соглашаюсь, пока она не передумала или не начала диктовать дополнительные условия, но Тина не тот человек, чтобы не торговаться, увы.

– Во-первых, я хочу, чтобы всё произошло естественно, само по себе, – загибает она холёные пальцы. – Ну, расстроилось это дело – и всё. Во-вторых, я в стороне. Пусть хоть камни с неба. Я овца на заклании, и не моя вина, что резник вдруг передумал вести меня на убой. Поэтому разговор с папулей по душам отменяется. Он всё равно не станет тебя слушать. Чересчур уж он агрессивен и зол. Чую пятой точкой: ему почему-то нужен именно этот брак. Думаю, там связи и деньги, а дела у родителя сейчас не очень. Конкуренция большая.

– Я согласна, – перебиваю, пока не последовало «в-третьих» и дальше по списку. – Будем решать вопросы по мере их поступления.

Тина с силой бьёт по моей раскрытой ладони. И столько деловой холодности в её лице, что мне становится не по себе. Кажется, кто-то только что собственноручно вырыл для себя ловушку глубиной в пропасть.

– Тогда до встречи на смотринах. Заодно с матерью повидашься, бездушная ты сволочь. Ну, и с отцом помирись, если пойдёт. И не вздумай припереться в ресторан в джинсах! Купи себе попрличнее что-нибудь. Ты в курсе, как ходят на семейные посиделки в ресторанах.

Это кабала. И дополнительные условия. Ценные указания. Но я предпочитаю кивать и молчать. Пусть поиграет в деловую леди. Зато я добыла жизненно необходимую сумму, которая поможет Егору выкарабкаться из долга. А всё остальное... прорвёмся!

Глава 15

Драконов

– Приветствую вас, мамулечка, – склоняюсь в полупоклоне и, не стесняясь, прикладываюсь поцелуем к её руке, что одёргивается, словно я её калёным железом приложил с размаху.

– Дима, – шипит Сашка возмущённо.

– Не паясничай! – командует отец, но у меня каменно-холодное, вежливое лицо. Я им не Илья, чтобы вести себя, как клоун.

– Всего лишь вежливость, отец, – роняю небрежно. И пусть попробует придраться.

К слову, Драконов-старший абсолютно спокоен, а иногда может и улыбнуться, когда я ненароком задеваю его юную жену. Уже и не юную, если положить руку на сердце. И они очень классно смотрятся рядом.

Столько лет прошло, воды утекло. Стёрлось, позабылось, изменилось. Но она до сих пор дёргается. Напрягается. И никак не может научиться адекватно реагировать на наши подкалывания.

Рыжее чудовище подло хихикает. Ему в кайф эти семейные игры. Ваньке вот-вот стукнет одиннадцать. А воспоминаниям о той, прошлой любви, ещё больший срок. Можно уже и привыкнуть. Чувствует себя виноватой? Зря. Но я ей об этом, конечно, говорить не буду.

- Прошу, - церемонно поводит отец семейства рукой, приглашая на террасу. Там нас ждёт огромный стол - помпезное нововведение, косящее под старину. Не хватает только прислуги в ливреях, которая бы торжественно вносила по очереди разнообразные блюда. Я даже боюсь шутить на эту тему, чтобы не вложить в голову батюшки новую блажь.

В последнее время он одержим идеей объединения семьи и создания родового гнезда, где он - главный орёл. К слову, орёл - это его гордое звание. Потому как «кукушка» для мужчины категорически неприемлемо. Так он в сердцах иногда называет нашу с Ильёй мать, свою первую жену, с которой он прожил ровно столько, чтобы родить двух сыновей.

Жаловаться не стоит: он всегда присутствовал в нашей жизни. Собственной персоной - минимально, деньгами - регулярно. Проявлял заботу и никогда не отказывался от исполнения отцовского долга. Беседу там душевную провести, пистон вставить, если мы бедокурили, в школу сходить, в кабинет директора наведаться.

Ужинаем мы тихо. Сашка ковыряется в еде, не поднимая глаз. Двигает по тарелке вилкой несчастный салат. Сидит на диете, видимо. Боится поправиться. Так и хочется съязвить, чтобы старалась лучше. А то ей уже двадцать девять. Неровен час встретит молодую и красивую, изящную и гибкую - и давай, прощай. Новая круговерть, ещё один младенец.

Наверное, я чересчур увлёкся. Ловлю её сверлящий взгляд. Слышу, как предупреждающе покашливает отец. Пусть не тревожится. У меня нет настроения цеплять ни его, ни мать семейства.

Кому на всё наплевать, так это Ваньке. Крутится за столом, как юла. Ни секунды не может усидеть на месте.

- Дим, а Дим, - дёргает он меня за рукав, - а ты в школе хорошо учился?

Какие-то вопросы у него провокационные. И мордочка хитрая. Карие глаза так и блестят из-под тёмно-рыжих ресниц.

- Лучше всех, - говорю уверенно и бодро, ловлю иронически приподнятую бровь отца и очередной напряжённый взгляд от Сашки. - Хочешь, у мамы спроси. Она подтвердит.

Санька идёт пятнами, открывает рот, но ничего не произносит. Видать салат поперёк горла встал. Застрял, не даёт словам прорваться.

В шестнадцать отец забрал меня к себе, когда маме вдруг срочно приспичило выйти замуж и родить ребёнка. Одиннадцатый класс в элитном лицее с углублённым изучением иностранных языков. Новые учителя, чужие одноклассники. Враждебно-снобское сообщество, которое я ненавижу всей душой.

И только весёлая жизнерадостная Сашка, с её вечными подколками, шутками, язвительностью помогла выкарабкаться. Подтягивала, заставляла, натаскивала, не давала спуску. Гоняла, как сержант - солдата на плацу. Поддевала, порой глумилась, но, наверное, именно этого мне и не хватало - нормальной здоровой злости.

Где сейчас та ярко-рыжая девочка, что светилась, как погожий осенний день?
Где та огненная стерва, похожая на разноцветный сентябрь?

- Как идут дела с агентством? - задаёт родитель нейтральный вопрос, но я внутренне напрягаюсь. Он обещал не влезать, но даже за внешней невозмутимостью я вижу, как ему хочется подмять дело под себя и решить всё по-своему - жёстко и радикально.

- Хорошо идут, не беспокойся. Нет ничего, с чем бы я не справился. А если мне нужен будет твой совет, я его спрошу.

Чёрта с два. И он это прекрасно знает.

– Скорректируй, пожалуйста, своё расписание, – командует отец. Это не просьба – приказ. – Мне нужно, чтобы ты поприсутствовал на нескольких деловых встречах. Дополнительный опыт не будет лишним. График мой секретарь сбросил на твой мейл.

– Да, конечно, – легко соглашаюсь, лишь бы не слышать этот жёсткий приказной тон. В висках снова стучат молотками невидимые гномы. Я хочу разделаться с этим официальным ужином, запланированным визитом и отправиться домой.

– И не забудь: в субботу у Вани день рождения.

Забудешь тут.

– Ты доел? – снова тянет меня за рукав местное рыжее божество. – Пошли я тебе что-то покажу!

Глаза у Ваньки сияют азартным предвкушением. Небось очередной прикамбас выпросил к компьютеру. Или новую игру установил. И я покорно плетусь вслед за мелким тираном. Вот уж кто не знает слова «нет». Добивается своего всегда и во всём.

Он ходить нормально не умеет – бежит вприпрыжку, вываливая на ходу все свои новости. Ябедничает и жалуется.

– Антонина Алексеевна – дура! И задачки её нудные! А ещё она говорит, что у меня шило в заднице!

– Ну, брат, никто не обещал, что будет легко, – невозмутимо прерываю его поток, но Ваньке неймётся:

– А хуже всех Барби! Измучила совсем! – вздыхает он тяжело и так закатывает глаза, что даже чурбан поймёт: ребёнка затиранили по всем фронтам. – Как начинает нудеть: буквы пиши ровно, резинкой в тетради не три. И вообще сказала, что я па-та-ло-гически неграмотный. Эт как, а?

– Это клиника, – не меняю я выражение лица, но Ваньку таким не проймёшь. Ржёт заливисто.

– Я тебе скажу. Только ты никому, ага? – приходится нагибаться, чтобы услышать самый страшный секрет пятиклассника Драконова. – Я ей спецом, назло ошибки делаю.

Отчитать юного кишкомотателя я не успеваю: он уже в своей комнате, крутится, взахлёб рассказывает, как правильно мочить монстров. Таки новая игра. Я почти ему не нужен. Разве что как свободные уши. Но отказать брату в такой малости – подобно оскорблению. Поэтому я усаживаюсь рядом и слушаю, как он довольно вопит и комментирует. Его азарт постепенно и меня увлекает. Может, поэтому я не слышу, как открывается дверь, а на пороге появляется Сашка.

Меньший Драконов даже ухом не повёл. Там такой трах-бабах, что ему недосуг отвлекаться. А я дерзко смотрю на ноги своей мачехи, оценивая их длину и форму.

– Может, поговорим? – ловит она мой взгляд. И такой металл в её голосе, что я невольно поднимаюсь ей навстречу. Ну, значит, поговорим, раз ей приспичило. Наверное, давно пора.

Глава 16

Драконов

Три года, как я вернулся домой. За эти три года мы не сказали друг другу больше нескольких фраз за один день. Вежливые, ничего не значащие реверансы или подкалывания с моей стороны. Знакомые незнакомцы.

Я бываю в отцовском доме крайне редко и никогда не остаюсь надолго. И ни разу ещё не ночевал здесь, хотя приглашения получал неоднократно. Сашка права: нужно плюнуть на всё, поговорить и наладить хоть какое-то хрупкое равновесие.

Но она начинает не с того, о чём я думал. Не с прошлого.

– Скажи, Драконов, я красивая?

Я опешил. Она сидит на широком подоконнике, всё на той же террасе. На меня не смотрит. Вглядывается в темень, где прячется цветущий сад. Рыжие пышные волосы ручейками стекают на плечи. И вся она такая грациозная. Поза не деланная, но застывшая. Но я к такой Сашке уже привык. Она постоянно как под напряжением в 220 Вольт.

– Что за дурацкие вопросы, Королькова? – невольно называю её девичьей фамилией. Она таки не утратила свою манеру быть непредсказуемо резкой, как игристое вино. Тёрпкое и пьянящее.

Сашка поворачивает голову и смотрит мне в глаза. Может быть, впервые прямо и открыто за последние три года. Без отстранённой замкнутости, когда неизвестно, какого зверя она прячет у себя за пазухой.

– Ты же всё знаешь. Скажи, у него есть любовница?

Я даже поперхнулся. Закашлялся. «Он», я так понимаю, это мой родитель. Её муж.

– С чего ты взяла, что я знаю? – приподнимаю брови и закладываю руки в карманы.

– Нельзя ответить честно на простой вопрос? Обязательно нужно юлить? – неожиданно щетинится она, как ёж, и я наконец-то вижу её настоящую. Оказывается, никуда не делась. Сидит, как искры с неё не летят.

– Слушай, Королькова, разбирайся-ка ты сама со своими семейными проблемами и тайнами. Не надо втягивать меня в ваши высокие отношения, – бурчу и морщусь: в висках снова закопошились противные буравчики. – И на будущее: я не влезаю в отцовские дела. Не интересуюсь его личной жизнью, не слежу, не вынюхиваю, где он и с кем, чем занимается в свободное время. Я вообще был бы счастлив, если б вы все держались от меня подальше.

Она судорожно вздыхает. В глазах блестят непролитые слёзы. От неё веет беззащитностью. Какой-то потерянной. Но хер я её буду жалеть.

– Что ты нюни распустила, Александра, мать драконов? Расслабилась, да? Жирком заросла? – я намеренно поддеваю её: у Сашки отличная фигура. Она шикарно выглядит в свои почти тридцать. – Ну, сиди, ной дальше. А папулька тем временем в школу смотается. Глядишь, ещё какую-нибудь малолетку присмотрит, увлечётся. А дальше ты знаешь: трах-тибидох, конфетти веером, мозги фонтаном. Не успеешь оглянуться, как у него ещё один сын родится. Не от тебя.

Она вскакивает молниеносно. Фурия. Сумасшедшая кошка, что кидается с диким намерением расцарапать мне рожу. Я успеваю схватить её за запястья.

– Пусти! – бьётся она, как отбойный молоток, и ухитряется надавать мне пинков по ногам. – Ненавижу! – шипит, не оставляя попыток вырваться. Но я уже не семнадцатилетний пацан. Встряхиваю её, как котёнка.

– Вот такой ты мне нравишься больше, – говорю холодно, обездвиживая её полностью, сжимая в кольце рук так, что выбиваю дух. – А то сидишь тут, окукливаешься. Скоро папан тебе под стать мраморные статуи закажет. Будете конкурировать в застывшей холодности. Красивые, но бездушные.

Сашка таки плачет. Утыкается лицом мне в плечо. Обмякает. Осторожно глажу её по волосам.

– Ты не сердись? – произносит глухо, не отрывая лица от моей рубашки, что впитала её слёзы. И я понимаю: сейчас она спрашивает о прошлом.

– Сердился, – признаюсь. – Давно. Тогда. Но всё прошло, слышишь?

– А простил? – поднимает она лицо и вглядывается мне в глаза. У неё мокрые ресницы. У Сашки уникальная особенность: она хорошеет от слёз. Становится мягче, черты лица словно разглаживаются и сияют. – Я, наверное, должна была объясниться с тобой. Ещё тогда. Струсила.

– Ш-ш-ш, – прикладываю палец к её губам. – Мне уже давно не важно, почему ты поступила так. И, наверное, не хочу знать твоих мотивов сейчас. Ты сделала выбор. Тебе с ним жить. И как ты будешь жить, зависит только от тебя.

– Я пытаюсь, – вздыхает Сашка тяжело, подавляя утихающие всхлипы. Глаза её сияют звёздами. Рыжая очаровательная бестия. Как хорошо, что моё сердце давно остыло. Но именно сейчас, когда я держу её в объятиях, понимаю: меня действительно отпустило. Никаких чувств, кроме дружеского участия и микроскопической дозы жалости.

– Просто стань собой, Королькова, и жизнь наладится, – советую, щёлкая её легонько по носу. – А то пыжишься, позы разные принимаешь. С хера ли? У тебя есть всё: деньги, дом, сын, муж. Так верти этим всем в своё удовольствие. Живи на полную катушку, как ты умеешь.

Она заливисто смеётся. На щеках у неё – румянец. И я вдруг понимаю, от кого у Драконова-младшего вкусный смех. Он её сын. Такой же непоседливый, заводной, не умеющий сидеть на одном месте и минуты. Такой же рыжий и непредсказуемый. По крайней мере, Сашка была такой раньше. И я абсолютно не желаю знать, что приключилось с ней за те долгие двенадцать лет и почему она трансформировалась в непонятное чужое мне нечто. В этот миг я окончательно понимаю: призраки прошлого отпустили меня навсегда.

– Хочешь сказать, иногда можно терять тормоза? – демонстрирует она очаровательные лукавые ямочки. – Я всё время пытаюсь соответствовать, – вздыхает и отводит глаза. – С ним... непросто, ты же знаешь. Он как фокусник с бездонным ящиком. Никогда не угадать, что он достанет оттуда.

О, да. Фокусник-факир. Иллюзионист хренов. Орёл. И у меня нет никакого желания выслушивать о тайных движениях непростой души Драконова-старшего. Как-то я мало похож на семейного психолога. Я терплю всё это только потому, что Сашка – это Сашка. Девчонка, которая однажды помогла мне освоиться в чужом мире. Сейчас, наверное, мой черёд отдать долг. Закрывать незавершённый гештальт.

– Ты спрашивала меня, – прерываю я её излияния, – И я отвечаю: ты очень красивая, Сань. Неординарная. Штучный экземпляр. Просто не растрясси это по мелочам и даром, договорились?

Ответить она не успевает. Застывает, как птичка. В глазах у неё – паника.

– Вы, надеюсь, закончили? – слышу ровный голос отца. Разжимаю объятия, отпуская Саньку на волю. Оборачиваюсь. Драконов-старший стоит в дверях и меряет нас глазами. Спокойный и равнодушный, как всегда.

– Да мы и не начинали, собственно, – бормочу, пристально вглядываясь в лицо родителя. Вижу, как у него дёргается уголок губ. Видимо, он не так невозмутим, как хочет казаться.

Как долго он стоит здесь? И что успел услышать?

Глава 17

Ника

Следующим утром была пятница. Как бы затаскано это ни звучало, а последний рабочий день недели и кошку радует. В «Розовом Слоне» существовала традиция: каждую пятницу в обеденный перерыв мы устраивали посиделки.

Собирались в столовой, пили чай, трещали о работе, обсуждая текущие проекты, делились новостями, впечатлениями, сплетнями. В общем, всем нравилось, и отказываться от вольного общения никто не собирался.

Эта пятница исключением не стала. С одной маленькой оговоркой: инициатором этого безобразия была Крыска. Она, как боевой генерал, восседала во главе стола и всегда выступала ведущей скрипкой. Вечно что-то придумывала, укрепляя коллектив, ловко управляла разговорами.

Почти неделя, как мы осиротели. За это время Драконище не сделало ни единого шага, чтобы поближе познакомиться с коллективом. Не провёл ни одной планёрки. Да оно и понятно: ему это не нужно. Правда, об этом знали только я да, наверное, Ксения. Но бывшая Крыскина помощница хранила молчание, а я слово дала, так что никто не спешил осчастливить коллектив новостями о грядущих переменах.

Он приходил раньше всех – об этом судачили. Крыска подобной пунктуальностью и рвением не отличалась, хотя вряд ли кто бывшую мог назвать недисциплинированной особой. Он ковырялся в бумагах, что-то изучал, без конца запрашивал аналитику. Но кроме главбуха никого не приглашал.

Мне бы плевать на него с высокой колокольни, если б не его маниакальное желание вытурить меня после работы из офиса. И забыть бы, но наш беспокойный слоновник искал пути к сердцу злобного Дракона.

– Мы тут посоветовались и решили, – заявила пиар-менеджер Илона, – надо Дмитрия Ивановича пригласить на посиделки.

– Приглашайте, – когда это моё мнение спрашивали?

– Ник, только дурочку не строй, а? – раздражается она на мою непонятливость. – Мы решили, что это должна сделать ты.

Я прям чуть на задницу не присела от счастья и неожиданности.

– А почему, собственно, я? – спрашиваю остороженько, стараясь поменьше воздух колыхать. Вот только парламентом мне сейчас выступить не хватало для полного комплекта. Он и так меня недолюбливает. А если я ещё припрусь к нему с подобным предложением – может и за дверь выставить.

– А кто? Сталлоне? – презрительно фыркает Илонка и кивает в сторону Дрона. Тот в одной майке поигрывает татуированными по самые помидоры бицепсами.

– Ксения, например, – пытаюсь я повернуть идею с приглашением босса в нужное русло, но это всё равно что реку поворачивать вспять. Они обступают меня плотно, словно охотники, загоняющие дичь. Единый такой фронт вымогателей, которые любят добиваться своего.

– Какая, на хрен, Ксения? – цедит сквозь зубы Илона и подталкивает меня в сторону приёмной. – Она сама-то на посиделки ходила только из-за Крыски. Ну же, Ника, кончай выделываться и не подведи коллектив. Ты у нас самая контактная, и тебе он точно не откажет. Найди правильные слова. Замани. Нужно ж, в конце концов, налаживать отношения, или как?

Я вдруг понимаю, что похожа сейчас упирающуюся кошку, которую пихают под зад, а она, намертво вцепившись когтями, сопротивляется изо всех сил. Злюсь. Смеюсь. Нервненько так. А потом вдруг становится безразлично. Ну, хочется им – я схожу, не облезу. Он сейчас пошлёт меня, а я совру им, что Дракон очень занят. Дела там у него важные. И народ угомонится, и конфликта не будет.

В приёмную вхожу спокойно, как великий Юлий Цезарь.

– У себя? – киваю на дверь. Ксения сидит, выставив напоказ свою «двоечку», удачно раздутую тщательно подобранным бюстгальтером до «двоечки с половиной». У неё что-то не то с лицом, но мне сейчас не до анализа.

Она кивает в ответ с таким видом, словно кол глотнула. И глаза пучит, будто у неё базедова болезнь. Интересно, что нужно делать с Ксенией, чтобы она онемела?

Я три раза предупредительно стучу в дверь и вхожу внутрь, не дождавшись разрешения. К Генриховне мы вообще без всяких церемоний врвались, а тут я постаралась. Чтоб уж не совсем снегом на голову. Но моё усердие пролетело по туннелю полнейшего равнодушия.

Драconiще подняло лицо от бумаг и уставилось на меня ледяным взглядом. Будь я понежнее, уже б к полу примёрзла. Он настолько по-дурацки смотрится в гламурном кожаном Крыскином кресле, что я еле сдерживаю смех. Но улыбка всё же прорывается сквозь строгие барьеры моего самоконтроля.

– Доброе утро, Дмитрий Иванович! – бодро приветствую я босса, и пока не растворилась в эфире моя решительность, беру дракона за рога: – От имени всего коллектива...

– Лунина, вас учили, что входить без приглашения – невежливо?

Ну, кто бы сомневался, что он попытается поставить меня на место. Тут важно не показать, что я чувствую себя неуверенно.

– Я стучала, – скромно опускаю ресницы, – но если нарушила субординацию, прошу простить. Могу выйти, постучать, дождаться вашего разрешения и войти.

Он смотрит на меня, как на букашку. Задумчиво, с оттяжкой. Размышляет, видимо, раздавить или проявить милосердие, делая скидку на отсутствие мозгов у насекомых.

– Что вы хотели, Лунина? – из его рта разве что морозное облачко не вырывается. Да плевать. Одна фраза – и я выйду отсюда.

– От имени всего коллектива, – повторяю как попугай с энтузиазмом, но в этот момент у Дракона звонит телефон, – я приглашаю вас на пятничные посиделки, которые по традиции проводятся в обеденный перерыв в столовой!

Конец фразы я договариваю на автомате, а он в это время отвечает на звонок. Вот засада! Неужели придётся повторять снова?

– Нет, я не буду рад тебя видеть, – доносится драконий голос сквозь шум в ушах. Адреналинчик во мне, наверное, подскочил до стратосферы. – Нет, никуда ты не приедешь, Илья! – рычит мой босс в телефон и смотрит на меня такими зверскими глазами, что я начинаю пятиться к двери. – Я не отпускал вас, Лунина!

Это уже мне. И я предпочитаю благоразумно застыть. Даже дилетант знает: лучше не дёргать дракона за хвост, когда он в ярости. Вот зараза. Опять я влипла. Ну, держись, слоновник! Как только я отсюда выползу, каждый получит свою порцию моего неудовольствия.

Глава 18

Драконов

Я всегда поражался отцовской выдержке и самоконтролю. Можно сказать, застукав собственную жену в объятиях сына, он продолжил общаться, словно ничего не случилось.

Полное ли это равнодушие или умение держать себя в руках, я не заморачивался, потому что знал: его бесстрастность может означать два пограничных состояния: либо его однажды порвёт, и тогда всем держаться, либо найдёт способ и хладнокровно пнёт под дых так, что закачаешься.

Подспудно я опять, как и с Луниной, ждал драки. Но ничего не случилось. Лишь провожая меня к машине, он вскользь заметил:

– Нам нечего делить, сын. И поверь: семью я ценю гораздо выше всего остального. Ждём тебя в субботу на Дне рождения Вани.

Любуясь огнями ночного города и подставляя лицо под сквозняк, что врывался в открытое окно, я ломал голову, что хотел он сказать. Как ни крути, я часть его семьи. Но и Сашка с Ванькой – тоже. Кого из нас он ценит больше? Кто для него важнее? Кого по-настоящему считает своей семьёй? Той, ради которой он порвёт любого?

Я так ни к чему и не пришёл. Плохо спал. Ни ранний подъём, ни пробежка, ни контрастный душ, ни большая чашка кофе не улучшили моего настроения. Мне даже не доставило удовольствия смотреть на лицо Ксении.

Ребята поработали на «отлично». Мало того, что грамотно перераспределили систему расположения видеокамер, так они ещё и компьютер моей секретарши почистили.

Всю информацию в виде отчёта они оставили у меня на столе. И флешку, куда закачали содержимое компьютера личной помощницы Кристины Генриховны Овербек. Не моей – это я решил точно, как только посмотрел, что там.

Она собирала компромат. На всех. Делала видеозаписи с камер и любовно складывала по папочкам. Самой «пухлой» оказалась неожиданно папка, где Ксения коллекционировала материалы на Лунину. Целое досье. Видимо, девчонка чем-то насолила ей – по-другому я никак не мог охарактеризовать подобную пристрастность.

Там же я обнаружил и Никин танец, и мой наезд. Ещё бы этой акуле не улыбаться многозначительно. Со стороны наши передвижения выглядели магнетически. Слишком яростно. Чересчур сексуально. Не знаю зачем, но я

пересмотрел это видео несколько раз. Оторваться не смог. Чёрт.

Я пытался отстраниться от картинки, что стояла перед глазами. Непонятно зачем заказал нормальное кресло. Меня раздражало это дамское седло, в котором я чувствовал себя дурак дураком. А дальше дело не пошло: я, что называется, смотрел в книгу и видел фигу. Никак не мог сосредоточиться. И когда на пороге кабинета нарисовалась Лунина, я дошёл до нужной точки кипения.

Виски снова заломило от боли. Тело охватил какой-то липкий озноб.

– От имени всего коллектива... – бодро вещала революционерка, вызывая во мне какие-то странные ассоциации с фильмами советских времён. Ей только кожанки не хватало и красной косынки. Сходство подчёркивали ещё и две косички «колоском», целомудренно прикрывающие пушистыми кисточками грудки-мячики.

Невовремя зазвонил телефон.

– Привет, брателло! – лучился счастьем голос Ильи. – Я решил сегодня навестить твоё унылое царство. Надеюсь, ты будешь рад меня видеть?

Он явно вознамерился превратить мою жизнь в ад. Я высказал ему всё, что думал, буквально запретил появляться на пороге, но торнадо не остановить – мне ли не знать об этом.

Что она там брякнула? Какие, на хрен, посиделки? Какая, на хрен, пятница? Видимо, выглядел я эпично: девчонка попятилась.

– Я не отпускал вас, Лунина! – браво. Мне нужно дать «Оскара» за самый зловещий голос. И премию за звание «Самый злобный босс».

Медленно выпускаю воздух из лёгких. Ника стоит застывшая, как птичка перед котом, что уже прижал её хвост лапой.

– Повторите ещё раз, пожалуйста, – прошу обманчиво мягко. И прокручиваю в голове варианты, как послать её к чёрту. А заодно и весь этот разноцветный

зоопарк. Мне просто нужно время, чтобы сосредоточиться.

– Мы по пятницам обедаем вместе. Традиция у нас такая. Клуб только для своих. Проекты обсуждаем, шутим... иногда.

В ней нет уже натянутого энтузиазма. Усталая покорность. Деланная, по всей видимости, хотя выглядит вполне искренне. Внутри у меня словно репейник застрял. Цепляется колючками-крючьями. Да так, что меня просто подкидывало бы на месте, если б я не умел держать – спасибо папочке – лицо.

– Клуб только для своих, говоришь? – неожиданно для самого себя перехожу с ней на «ты» и точно так же неожиданно добавляю: – Ну, раз коллектив приглашает, как я могу отказаться? В столовой, в двенадцать? – уточняю и наслаждаюсь её распахнутому настезь взгляду. Не ожидала. Замечательно.

– Счастливы будем видеть вас! – она говорит это так страстно, что я без труда читаю, куда она желает мне провалиться. Нет уж, пригласили так пригласили. Заодно поближе познакомлюсь с обитателями слоновника.

– Можете идти, Лунина, – повелительно машу рукой в сторону двери, и она не заставляет повторять дважды. Лёгкая походка. Красные босоножки под джинсы. Кофточка ядовито-малиновая. Их тут как будто по одежде нанимали: абсолютная безвкусица. Слишком тропическая пестрота в подборе цветовой гаммы. Или у них это специфический стиль?

После её ухода я с такой яростью набросился на документы, что сам себе поразился. А потом зачем-то полез в Ксенины файлы. Какая-то тщательно продуманная мелочность. Что заставляло её следить за своими коллегами? Я почему-то сомневался, что она шпионила в пользу Генриховны: там имелась папочка с материалами и на саму бывшую владелицу «Розового Слона».

Пригретая на груди змея. Громадная анаконда. Что скрывается под её пёстрой шкурой? Кому она служит? Вряд ли это просто хобби. К тому же, внутри зреет уверенность: любовно собранный компромат вряд ли существовал в единственном экземпляре. У этого запасливого хомячка есть заначка – копии всей этой кучи дерьма, которую она так дерзко хранила на рабочем компьютере, защищённом несложным паролем.

Я так ушёл в нирвану собственных размышлений, что понял слишком поздно: я опоздал. Опоздал на их чёртовы посиделки. Вот чёрт. Не терплю непунктуальности даже в мелочах.

Их голоса слышались далеко за пределами конференц-зала. Слишком бурные, как горные реки. Бу-бу-бу. Взрыв смеха. И среди этой незнакомой какофонии – нечто до боли знакомое и родное: голос моего незабвенного братца.

Глава 19

Драконов

– Да он вполне нормальный, адекватный чувак, – вещает Илья. – Не стоит так напрягаться, сообщество!

Спасибо, брат. Я всегда знал, что ты встанешь на мою защиту. Только меня ты забыл спросить, нуждаюсь ли я в твоих сомнительных протекциях.

Чаепитие в самом разгаре: на тарелках – горы бутербродов, Лунина снуёт, как хорошая хозяйка, – разливает по чашкам кипяток.

– Он нас таки проигнорировал, – вздыхает кто-то и затыкается: меня заметили и шикнули на жалобщика так, что на миг становится тихо. Вполне знакомая реакция. Не испорчу ли я им праздник жизни?

– Позвольте присоединиться, – произношу невозмутимо и сажусь на первый попавшийся стул, который мне услужливо подсовывают девушки-контентщицы.

Неловкая пауза. Они не знают, как себя вести. Напряжённо думают, о чём говорить, хотя до этого не испытывали ни малейшей скованности.

– Вы нальёте мне чаю, Ника? – рву я неловкую тишину и подвигаю чашку.

– Конечно, Дмитрий Иванович, – улыбается Лунина мне в ответ и тут же оказывается рядом. Если бы ей хватило смелости, где бы сейчас оказался кипяток, который она усердно льёт в ёмкость приличного размера с дурацкими обнимающимися рыжими котами? У них даже посуда идиотских расцветок и мастей. Разнокалиберная. У каждого – своя. Из дома притянули? Генриховна была настолько прижимиста, что не сподобилась нормальный сервиз для своих работников купить?

Ксения сидит здесь же. Среди тех, кого она ненавидит. Отставляет мизинчик, дует на чай, сложив губы трубочкой, и откусывает от бутерброда крохотные кусочки.

Они кидают на меня взгляды исподтишка. Илья лучезарно улыбается. Я вижу в его глазах иронию. Ему интересно, как выкрутится старший брат. На самом деле, безразлично, что обо мне думает креативное агентство, но лицо нужно держать.

– Не обращайтесь на меня внимания, – мягко прошу я. – Понимаю: это непросто, но мы так никогда и не переступим черту, если будем напрягаться. Считайте, что я гость. Вы – хозяйка. Просто будьте собою.

Боже, что за чушь я несу... Однако, пусковой крючок нажат, и, немного помявшись, они вначале усиленно меня угощают, как гостя, затем угощаются сами, и постепенно успокаиваются. Я жую вместе со всеми. Пью неожиданно вкусный чай. Он куда лучше того отвратного кофе, который готовит мне Ксения.

В какой-то момент разговоры возобновляются. Они и впрямь трещат о работе и спорят до хрипоты.

– Линейка их продукции никуда не годится! – с пеной у рта доказывает рекламщик. – Я не говорю, что она плохая, нет, но эта полная безликость убивает на корню все идеи!

– А на кой ляд ты тогда протираешь штаны? – возражает кто-то лениво. – Твоя задача как раз сделать её привлекательной.

– А может, это твоя задача вначале хотя бы фантик яркий придумать? – горячится гений рекламы и тыкает всем фото, доказывая, что он прав.

У меня жутко болит голова, но их бубнёж и взрывы смеха почему-то не мешают, а действуют расслабляющее. Хочется вытянуть ноги и ослабить узел галстука. Я даже делаю замечания, неожиданно для себя втягиваясь во всеобщий энтузиазм. Заразные они тут какие-то.

Лучше всех себя чувствует Илья. Вот уж кому не нужно ни приспособливаться, ни адаптироваться – вливается сходу в любые разговоры, хоть профессиональные, хоть в «споры ни о чём».

– Сталлоне? – ржёт он, толкая в татуированное предплечье своего дружка Дрона. – Чё, они в натуре тебя так зовут, и ты терпишь?

Дрон только хлопает бездонно-голубыми глазами и пожимает плечами. Теперь я знаю: местного программиста и сисадмина зовут Андрей Сталь. Странно, но я почти всех их заочно выучил поимённо. И кто чем дышит – тоже. А ещё страннее, что они перестали быть для меня безликой массой. Я по-прежнему внутренне содрогаюсь от их слишком большой креативности, которую они проявляют, подбирая себе одежду, но, чёрт побери, кажется, меня заразил вирус их профессионального энтузиазма.

Неожиданно взгляд мой цепляется за руку брата, что небрежно лежит на спинке стула, где сидит Лунина. Его длинная кисть нависает над её плечом. Пальцы прикасаются к малиновой кофточке. Он что-то шепчет Нике на ухо, девушка улыбается, а я понимаю: настроение у меня испортилось. Снова.

Больше не увлекают разговоры. Я только сижу и слежу, как Илья очаровывает простушку. Как розовеет её щёчка. Как она взмахивает густыми ресницами и смеётся над какой-то его шуткой. Они словно отгородились от всего мира, сидят среди толпы, обособившись. Общаются о чём-то своём, выпав из общего разговора.

Незаметно поглядываю на часы. Несколько минут – и обеденный перерыв закончится. Выгоню паршивца в шею – и всё наладится. Что наладится, додумать не успеваю. Илья вскакивает на ноги. У него словно пружины на кроссовках. Вечный энерджайзер. Этим они неуловимо похожи с меньшим Драконовым. Вот же. А я вчера подумал, что шило в заднице досталось Ваньке от матери.

Илья хлопает в ладоши, привлекая к себе внимание.

– Ребята, вы – супер! Давно я не получал столько удовольствия! – безбожно льстит он слоновнику и заслуженно ловит восхищённые взгляды. Особенно женские. Барышни плывут, как слабые мозги от жары. Они уже его любят и боготворят. – А сейчас заключительный аккорд – и по коням! Иначе господин Драконов откусит вам головы.

Ещё раз большое спасибо, брат. Если на него смотрят с поволокой в глазах, то на меня снова кидают испуганные взгляды. Илья выскальзывает из столовой, и я слышу его деловой голос. Он командует кем-то.

– Мороженое! Доставка прямо в офис за счёт заведения! – ржёт он, откровенно поддевая меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/noch-_eva/drakonam-slova-ne-davali

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)